СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

ГРОЗНЫЙ — 1985

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

ГРОЗНЫЙ — 1985

Печатается по постановлению Ученого Совета Чечено-Ингушского ордена «Знака Почета» института истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР.
(Темплан 1985)

Редакционная коллегия:

В. Б. Виноградов (ответственный редактор),
З. А. Мадаева, Х. М. Мамаев, А. Г. Попов.

Рецензенты:

Е. П. Алексеева — доктор исторических наук,
С. Л. Дударев — кандидат исторических наук,
В. А. Петренко — кандидат исторических наук.

© Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии (ЧИИИСФ), 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной тематический сборник по археологии сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии является пятым по счету (наименования предыдущих см. в предисловии к сборнику «Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии», Грозный, 1983). Он содержит данные о средневековых погребальных памятниках на территории нашей республики и подготовлен авторским коллективом, в который вошли специалисты сектора и кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л. Н. Толстого.

Следует заметить, что строго информативно-публикационный характер представленных в издании статей и заметок продиктован не только ограниченным объемом самого сборника. Обильные и разнообразные результаты полевого исследования захоронений эпохи раннего и позднего средневековья в крае на протяжении последнего десятилетия нуждаются в неотложном введении в широкий научный оборот. Только так они могут превратиться в полноценный, доступный большому числу специалистов источник по истории Чечено-Ингушетии и сопредельных областей Кавказа.

Открывает сборник статья В. Б. Виноградова и Х. М. Мамаева, в которой вниманию читателей предлагаются материалы раскопок 1977—1978 гг. крупного и уже получившего известность раннесредневекового катакомбного могильника (№ 1) у селения Мартан-Чу (Грушевое), расположенного на стыке предгорий и плоскости Чечни. Краткие основные сведения о 12 захоронениях (№ 19—30) сопровождаются большим и ярким иллюстративным материалом. Все вместе это позволяет составить достаточно полное представление о незаурядных погребальных комплексах второй половины IX—XI в. н. э. и познакомиться с предварительными наблюдениями авторов об абсолютной и относительной хронологии захоронений этой группы.

Ту же тему продолжает заметка С. Н. Савенко, публикующая еще две катакомбы с Мартан-Чуйского 1-го погребального поля, раскопанные в 1980 г. Они датируются второй половиной X — началом XI в. н. э. и содержат выразительный инвентарь.

Раскопки замечательного Мартан-Чуйского 1-го некрополя были продолжены в 1984 г. и намечены впредь, ибо дальнейшее полевое исследование его самого и «свиты» окружающих могильников, накопление материала и выявление исторической топографии и преемственности местных раннесредневековых кладбищ единодушно

признаются ныне специалистами как одна из наиболее перспективных позиций в археологии Чечено-Ингушетии.

Следующие две статьи переносят читателя в высокогорную зону нашего края.

В работе Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаева вводятся в оборот и анализируются материалы стационарного исследования подземных каменных склепов IX—XIV вв. ряда могильников в верховьях реки Чанты-Аргун (Цой-Педе, Медвежья поляна, Бугаров, Ушкалой и др.). Впервые для территории Чечено-Ингушетии выявляются достоверно раннесредневековые сооружения этого типа, углубляются существующие представления о материальной культуре высокогорной зоны, которая изучена еще недостаточно.

Небольшая статья Д. Ю. Чахкиева посвящена публикации интересных материалов из позднесредневекового полуподземного склепа у селения Верхний Лейми (Ингушетия). Автор привлекает данные полевого отчета Л. П. Семенова (1937 г.) и подробно характеризует новые находки, сделанные им самим в 1982 г. в потайной нише. Богатый и выразительный комплекс вооружения позволяет представить себе экипировку феодализирующейся прослойки ингушского общества второй половины XIII в.

Несколько особняком стоит в сборнике нумизматическая сводка, выполненная В. Б. Виноградовым на основе учета средневековых (до конца XVIII в.) монетных находок, сделанных на территории Чечено-Ингушетии после 1980 г. и не попавших в предшествующую подборку соответствующих весьма важных для местной истории материалов. Новые образцы разнообразных монет (халифатских, византийских, джучидских, западноевропейских, российских) происходят из раскопанных погребений и случайных сборов, сделанных на разнотипных памятниках. Они существенно пополняют знания о денежном обращении в различные исторические периоды, об использовании монет в бытовом обиходе у населения нашего края.

Редколлегия полагает, что публикуемые материалы и высказанные в статьях соображения привлекут внимание специалистов и будут полезны для воссоздания различных сторон средневековой истории Чечено-Ингушетии.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают свою признательность рецензентам, рекомендовавшим сборник к печати: доктору исторических наук Е. П. Алексеевой (Карачаево-Черкесский НИИ), кандидатам исторических наук С. Л. Дудареву и В. А. Петренко (Чечено-Ингушский госуниверситет имени Л. Н. Толстого), а также рецензенту Ученого Совета Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии кандидату исторических наук, заслуженному деятелю науки Чечено-Ингушской АССР С. Ц. Умарову.

Редакционная коллегия.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, Х. М. МАМАЕВ

МАРТАН-ЧУЙСКИЙ 1-Й МОГИЛЬНИК В ЧЕЧНЕ

(материалы раскопок 1977—1978 гг.)

Последние годы ознаменовались определенными успехами в изучении раннесредневековых памятников плоскостной Чечено-Ингушетии. Среди группы интересных объектов особо выделяется новый катакомбный могильник у сел. Мартан-Чу Урус-Мартановского района ЧИАССР, который исследовался в течение ряда лет Предгорно-плоскостной археологической экспедицией ЧИГУ под руководством профессора В. Б. Виноградова. Значительная часть его ярких материалов уже опубликована (1, 2). Основной целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов, полученных при исследовании могильника в 1977—1978 годах. В течение этих сезонов раскопки проводились на двух участках некрополя, одно погребение было доисследовано в карьере (рис. 1; 15). Нумерация погребений продолжает нумерацию предыдущих сезонов. Иллюстрации к статье выполнены кандидатом исторических наук В. А. Петренко, которому авторы выражают свою искреннюю признательность.

Погребение 19. На дне камеры расчищены костяки шести погребенных, лежавших вытянуто на спине, головой на СВ.

У черепа ближнего к лазу (детского) костяка обнаружено два бронзовых бубенчика и два серебряных височных кольца. У левого плеча — бусина. Среди костей грудной клетки — два бронзовых бубенчика.

Под костяком второго погребенного зафиксированы кусочки древесного угля. На тазовых и бедренных костях лежали сорок четыре бронзовые бляшки поясного набора, пряжка и две концевые накладки. Справа — железный нож в деревянных ножнах с серебряными обкладками. У левой руки — бронзовые бубенчик и пуговица, а между ногами — бронзовый бубенчик. На костях стоп и голеней выявлены двадцать серебряных штампованных бляшек от ремешков для стягивания обуви.

У черепа третьего костяка — два серебряных височных кольца и бронзовый бубенчик. Слева от черепа — кость животного, железная двулезвийная секира и сероглиняный кувшин. Еще один бубенчик лежал на груди погребенного. Под правой рукой — желез-

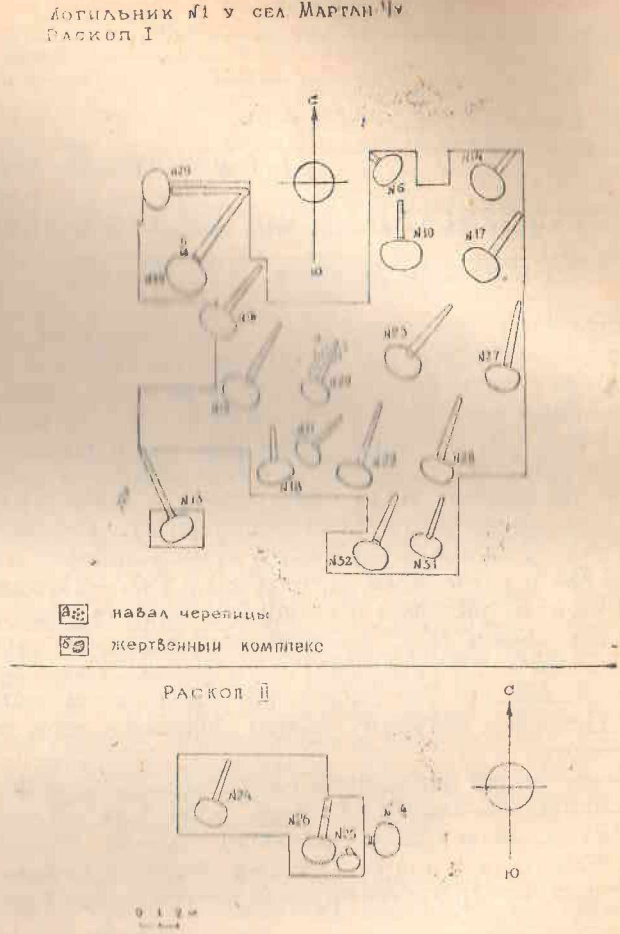

Рис. 1. Планы раскопов 1 и 2 Мартан-Чуйского 1-го могильника

ный нож в деревянных ножнах. На тазовых костях — остатки кожаного ремня с бронзовыми заклепками и пряжкой с серебряным щитком, здесь же — штампованная серебряная бляшка. На левой руке — бронзовый перстень, рядом — три бронзовых бубенчика. Возле коленей — две серебряных накладки, на костях стоп — шестнадцать серебряных штампованных накладок от ремней для обуви.

Слева от третьего погребенного лежал костяк ребенка. На его черепе бронзовая и серебряная бляхи с отверстиями, рядом — серебряная височная подвеска, несколько ниже — бусы сердоликовые

и стеклянные. В области грудной клетки — перламутровая подвеска с отверстием и бронзовый бубенчик.

У черепа пятого от лаза костяка найдены серебряные височные подвески, справа у плеча бусы — сердоликовые, стеклянные, гагатовые.

На правой руке — два бронзовых браслета и перстень, рядом два железных ножа в одних ножнах и металлическое зеркало. Здесь же были обнаружены бронзовая пронизка и пуговица, обломок перламутровой подвески. У таза — два бронзовых бубенчика, такие же — у левой руки. На фаланге пальца левой руки — бронзовый перстень. На стопах расчищены серебряные штампованные бляшки от ремешков для обуви. В южной части камеры лежала двулезвийная железная секира.

Костяк шестого погребенного (ребенка) лежал вдоль стенки. В области грудной клетки обнаружены стеклянные бусинки (рис. 2).

Погребение 20. В дромосе встречены многочисленные фрагменты черепицы. Плита заклада также укреплена такими фрагментами. На дне камеры расчищены три костяка: двух взрослых и подростка. Костяки взрослых сдвинуты при погребении подростка, уложенного вытянуто на спине, головой на ЮВ. На правой руке его зафиксирован железный браслет. Все остальные находки происходят из навала костей двух погребенных. Это черный стеклянный браслет, железный нож, две бронзовые бляшки поясного набора, фрагменты бронзовых височных подвесок, две полые бронзовые пуговицы, две литые бронзовые пуговицы, две литые серебряные пуговицы, два бронзовых бубенчика, бронзовое височное кольцо, крупная бронзовая пуговица. Кроме того, найдены стеклянные и бронзовая бусины (рис. 3, 1—19).

Погребение 21. На дне камеры зафиксирован костяк женщины, лежавшей на спине, головой на СЗ. Камера была мала для погребенной, и поэтому она была захоронена с согнутыми в коленях ногами. После распадения связок кости ног приняли зафиксированное ромбообразное положение.

На черепе обнаружены остатки головного убора в виде фрагментов кожи и бронзовых бляшек. На шее было много стеклянных бусин. Здесь же найдены два бронзовых кольца и две бронзовые подвески, слева лежал железный нож. У стенки камеры отмечен бронзовый бубенчик. Под черепом — серебряное височное кольцо, бронзовый амулет, стеклянные бусы и бисер, граненные сердоликовые бусы. Справа у черепа — большая бронзовая пуговица. Около правой руки найдены две бронзовые пуговицы. На руках — браслеты из стеклянных бусин. На правой руке найден и железный браслет. У кисти левой руки — бронзовые литые пуговицы (рис. 3, 20—55).

Погребение 22. На дне камеры зафиксированы два костяка, лежавших вытянуто на спине, головой на З (с отклонением к С). Кос-

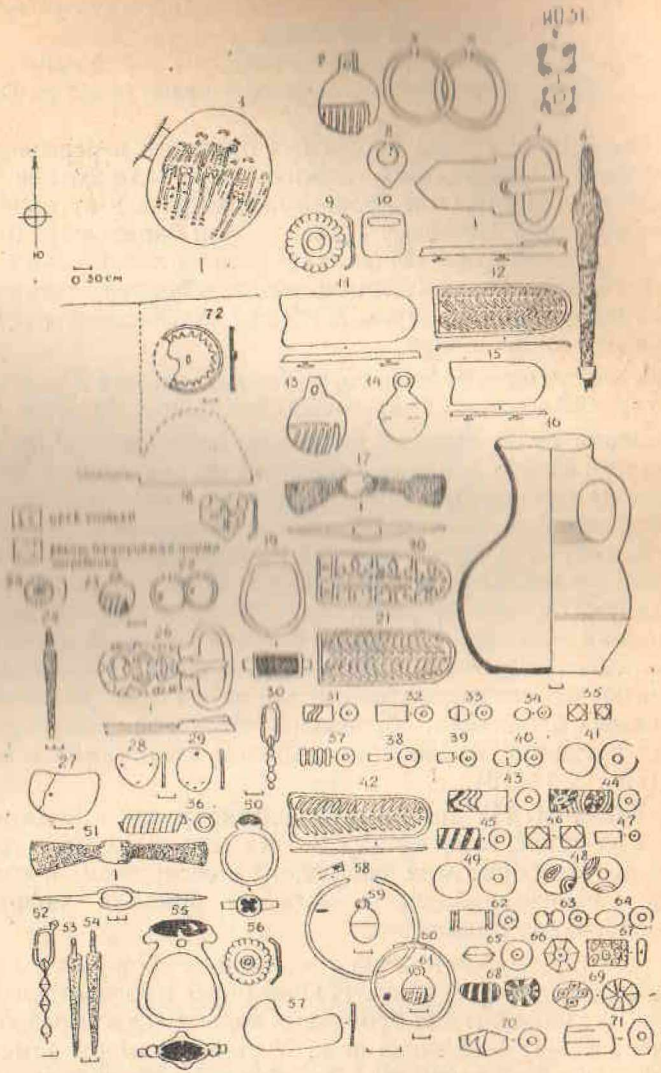

Рис. 2. План и инвентарь погребения 19

ти ног ближнего к лазу костяка перекрывали кости ноги другого погребенного.

У стенки камеры лежал желтоглиняный кувшин. Возле черепа первого (ближнего к лазу) костяка найден бронзовый бубенчик, на

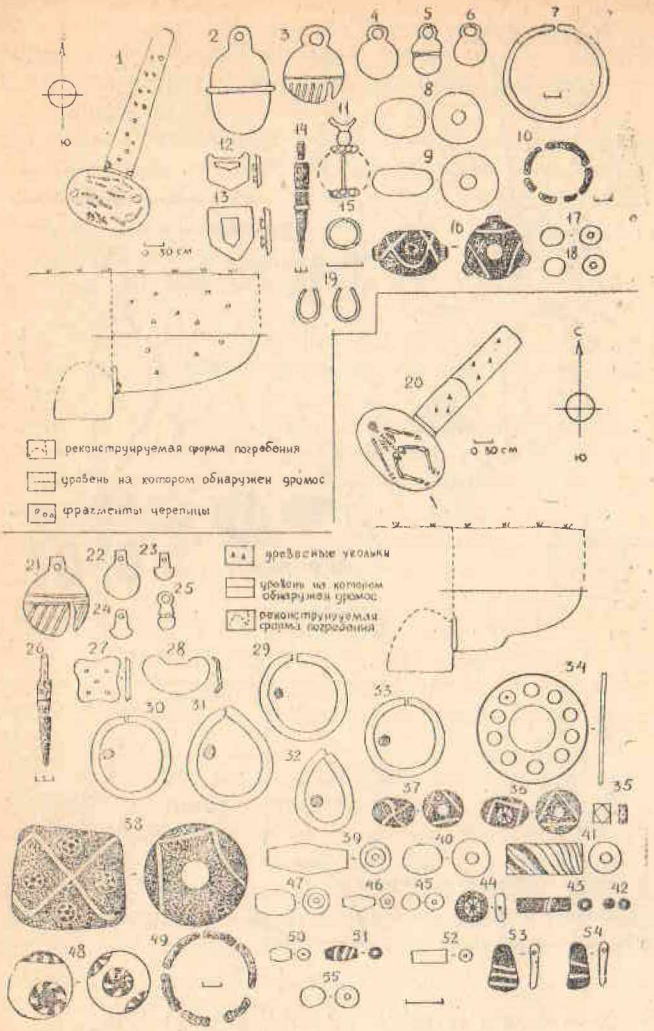

Рис. 3. 1—19 — план и инвентарь погребения 20; 20—55 — план и инвентарь погребения 21

тазу железный нож, между левой рукой и стенкой камеры — железная секира. Под тазом отмечена зеленоватая подсыпка.

На черепе второго погребенного были расчищены бронзовые бляшки головного убора, справа лежал железный нож. С двух сторон черепа — височные бронзовые кольца. На шее найдены разнообразные стеклянные бусы и бисер. Здесь же — бронзовый бу-

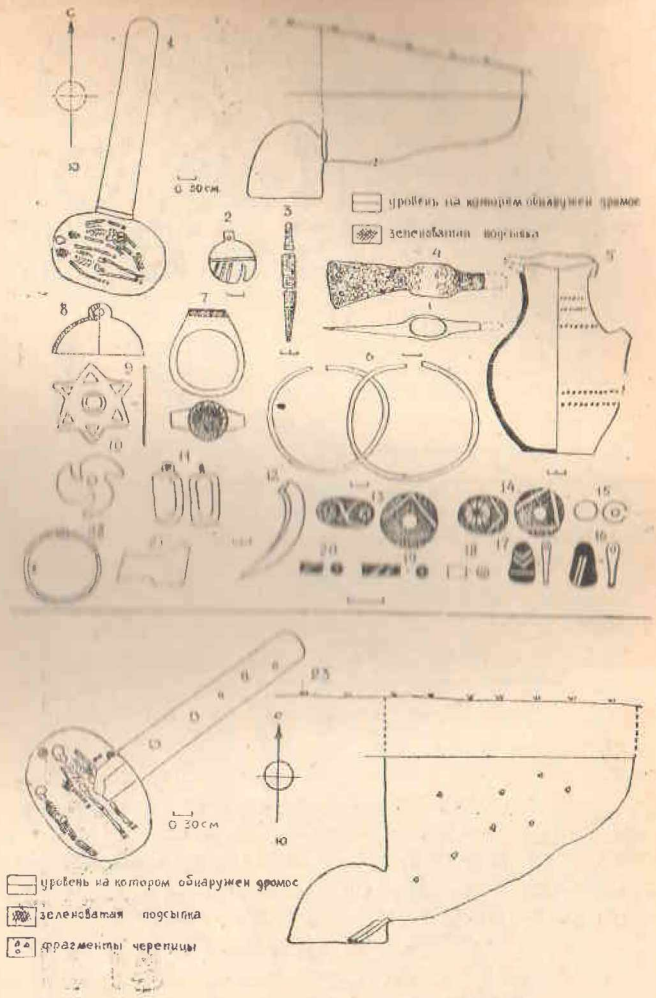

Рис. 4. 1—22 — план и инвентарь погребения 22; 23 — план погребения 23

бенчик, ниже — бронзовая пуговица, крупные стеклянные бусины, железный ножичек. На правой руке — бронзовые браслет и перстень, рядом — кабаний клык, скопление бисера и фрагменты стеклянного сосуда. Такой же браслет и бисер найдены на левой руке (рис. 4, 1—22).

Погребение 23. В дромосе обнаружены крупные обломки черепиц. На дне камеры зафиксированы костяки двух погребенных. Ближний к лазу костяк лежал вытянуто на спине, головой на СЗ.

Второй костяк лежал вплотную к стене камеры на боку, будучи сдвинут, видимо, в момент второго захоронения. У лаза найдены нижняя часть красноглиняного горшка с яичной скорлупой внутри и железный топор.

У черепа первого костяка стоял красноглиняный кувшин, рядом лежало металлическое зеркало. У правой руки — остатки кожаного изделия, на тазу — два железных ножа в одних ножнах и бронзовая пряжка. На левой руке — бронзовый перстень. Под грудными костями прослеживается зеленоватая подсыпка.

У черепа второго костяка найдены бронзовые височные подвески и бубенчик. Здесь же лежали бусы: сердоликовые, хрустальные, стеклянные и бисер. Возле таза найден железный нож, на руках — стеклянный и два бронзовых браслета, бронзовый перстень (рис. 4, 23; 5, 1—27).

Погребение 24. На дне камеры расчищены остатки двух костяков. Первый от лаза костяк лежал навзничь, с подогнутыми костями ног и правой руки, головой на ЮЗ, частично перекрывая остатки второго погребенного, позу которого определить трудно — видимо, он покоился вытянуто на спине, головой на ЮВ. Очевидно, кости этого погребенного были перемешаны во время второго захоронения.

В области шеи первого костяка собраны сердоликовые, фаянсовые, стеклянные, бисерные бусы, рядом — бронзовый бубенчик и фрагментированное металлическое зеркало. На левой руке — бронзовый браслет, на правой — бронзовый и стеклянный черного цвета, бронзовый перстень.

У левой руки второго костяка лежало тесло, среди грудных костей — бронзовый бубенчик и две бронзовых пуговицы — литая и полая. У правой руки найдены остатки кожаного фрагмента с бронзовой бляхой, здесь же — бараний альчик. С этим костяком связаны семь бронзовых бляшек и две накладки набора, железный нож. У стенки камеры расчищен фрагментированный черноглиняный сосуд, в котором найдена скорлупа куриных яиц (рис. 5, 28—49).

Погребение 25. На дне овальной камеры расчищен детский костяк, ориентированный головой на В. Находок нет (рис. 6, 1).

Погребение 26. На дне камеры зафиксированы два костяка. В центре лежал костяк взрослого человека головой на СЗ с ромбообразно подогнутыми ногами. У черепа найдены бронзовая литая бусина, на поясе — тридцать бронзовых блях, два бронзовых кольца, бронзовые пряжки и два бронзовых наконечника поясного набора. Слева лежал железный нож. На правой руке — железный браслет.

За черепом детского костяка, лежавшего вытянуто на спине, головой на СЗ, найден железный топор. Слева у черепа — две фаянсовые бусины, рядом — бронзовые, литая и полая пуговицы. На уровне плеч с обеих сторон — бронзовые бубенчики, на левой

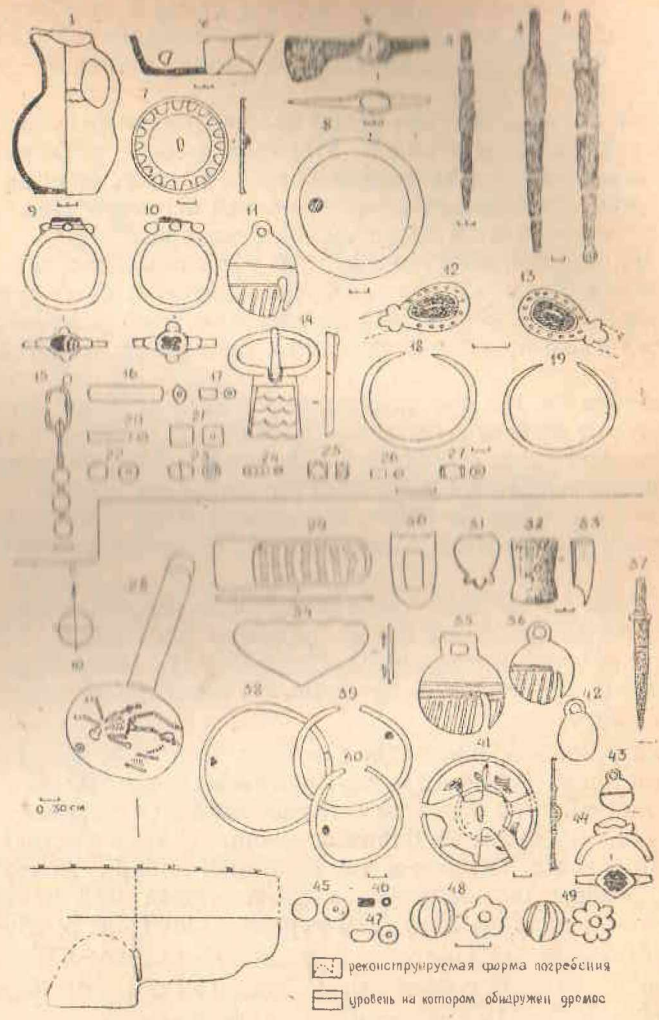

Рис. 5. 1—27 — инвентарь погребения 23; 28—49 — план и инвентарь погребения 24

руке — бронзовый браслет, в ногах — сероглиняный кувшин (рис. 6, 2—23).

Погребение 27. В дромосе найдены небольшие фрагменты черепицы. Перед каменной плитой зафиксировано овальное пятно золы и пепла — след небольшого костра.

На дне камеры зафиксирован костяк женщины, лежавшей вы-

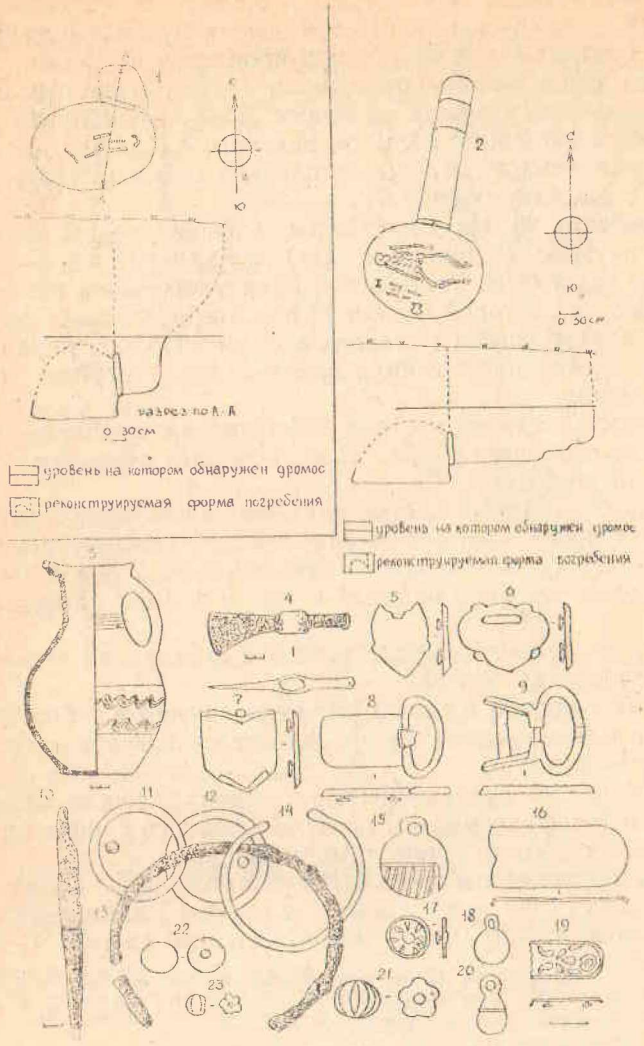

Рис. 6. 1 — план погребения 25; 2—23 — план и инвентарь погребения 26

тянуто на спине, головой на В. Справа у лаза расчищена группа предметов: кабаний клык, фрагментированное металлическое зеркало и два бронзовых перстня, крупная бусина, неподалеку — красноглиняный кувшин. На черепе — бронзовые штампованные накладки от головного убора, с обеих сторон — височные бронзовые подвески. В области грудной клетки — несколько бронзо-

вых литых пуговиц. На руках — бронзовые парные браслеты. Здесь же лежали скопления стеклянных бусин, видимо, составлявших браслеты, две костяные и бронзовая подвески. На поясе оказались сердоликовые бусы, ниже — два железных ножа в одних ножнах с железными оковками. Здесь же найдены бронзовые копоушки и застежка, обрывок кольчуги. Под костяком зафиксирована выкладка из отдельных плоских галек. Слева у черепа лежал крупный камень (рис. 7).

Погребение 28. На дне камеры зафиксированы два костяка, один из которых (ближний к лазу) лежал на спине, головой на З. Ноги его подогнуты, кисть левой руки уложена на пах, кисть правой — под таз. Второй костяк лежал вытянуто на спине, головой на З, со скрещенными в голенях ногами. Правая рука его лежала вытянуто, левая перекрывала правую руку первого костяка на уровне локтя.

На черепе первого костяка зафиксированы мелкие бронзовые бляшки от головного убора. В области шеи отмечены стеклянные и сердоликовые бусы.

В области грудной клетки найдены: литая бронзовая пуговица, половинка бронзового бубенчика, плоская перламутровая бляха с отверстием. Справа у таза — железный нож. У левой ноги, неподалеку от лаза, лежали кабаний клык и половинка металлического зеркала.

На груди второго костяка найдены стеклянная бусина, три литых бронзовых пуговицы.

Справа у черепа найдена костяная накладка. Еще одна такая же была зафиксирована на уровне пояса погребенного. Видимо, это остатки лука.

Вдоль правой руки, рукоятью к черепу, лежала железная сабля. Под ней зафиксированы остатки кожаного с наконечником ремня, густо усаженного бронзовами заклепками.

Здесь же выявлены железные детали колчана с железными наконечниками стрел и двулезвийная секира. Рядом найдена серебряная бляха. Между правой ногой и стенкой камеры — красноглиняный кувшин.

Под костяками зафиксирована подстилка из плоских галек и кусков древесного угля (рис. 8).

Погребение 29. На стенках камеры отмечены следы орудия с рабочим краем шириной 14—16 см и пять глубоких канавок, между двумя из которых был вырезан крест.

На дне камеры отпрепарированы плохо сохранившиеся костные остатки четырех погребенных.

Ближний к лазу костяк лежал вытянуто на спине, головой на С. Справа от черепа, у стенки камеры было найдено металлическое зеркало. У плеча обнаружена плоская перламутровая подвеска с отверстием в центре, штампованные бронзовые пуговицы, литые

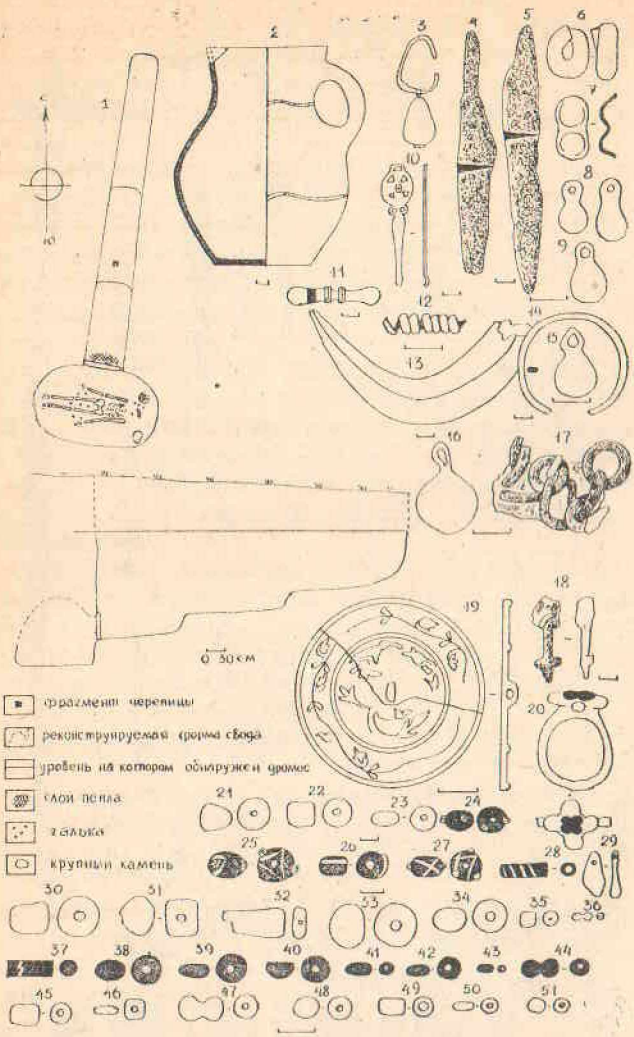

Рис. 7. План и инвентарь погребения 27

бронзовые бубенчики. Здесь же лежали бусы — стеклянные, сердоликовые, янтарные. Рядом найдена бронзовая трехкольчатая подвеска.

На правой руке расчищен бронзовый браслет. Аналогичный браслет лежал у правой руки. Рядом найден железный нож. На кисти

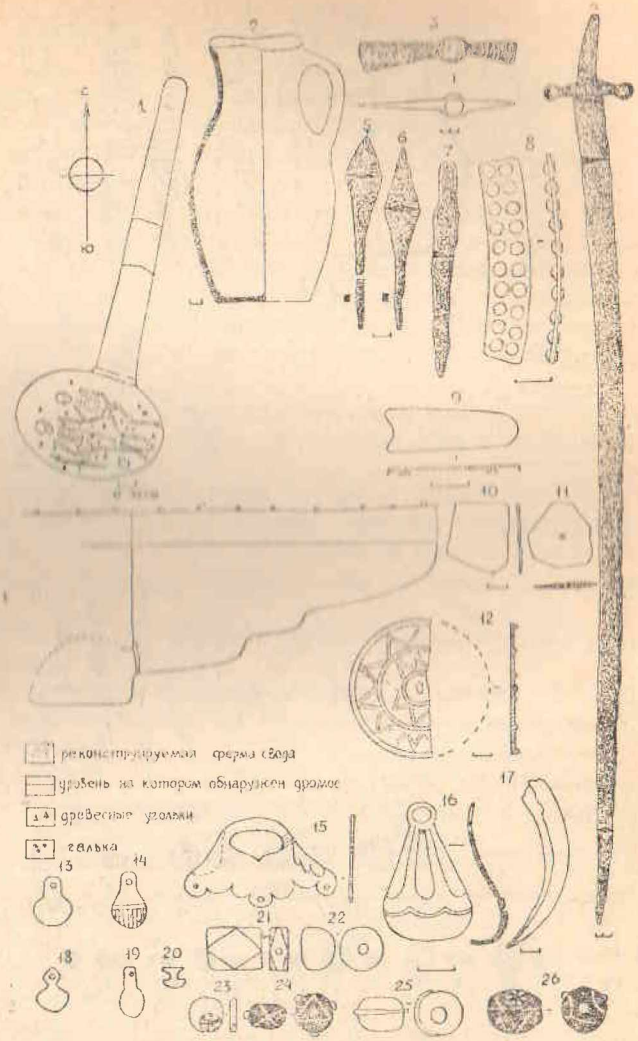

Рис. 8. План и инвентарь погребения 28

левой руки обнаружены два бронзовых перстня. У кисти правой руки найдены три бронзовых перстня и один серебряный. У правого бедра лежал бронзовый литой бубенчик.

Второй костяк лежал вытянуто на спине, головой на Ю. Между черепом и стенкой камеры отмечены двадцать два бараньих альчика (девятнадцать с отверстиями). С обеих сторон черепа найдены

две серебряные сасанидские драхмы Хосрова II (590—627 гг.) с пробитыми отверстиями. Еще две аналогичные монеты лежали у нижней челюсти. У правого предплечья — три бронзовых бубенчика. В области грудины расчищена бронзовая полая пуговица. Около правой руки найден железный нож с остатками железных обойм ножен.

Третий погребенный, судя по положению сохранившихся костей, лежал вытянуто, головой на С. Дно камеры под костяком и вокруг было посыпано крупными кусками древесного угля. С обеих сторон черепа обнаружены височные подвески. Вокруг черепа расчищено восемь арабо-сасанидских и арабских монет (все пробиты): четыре арабо-сасанидские монеты второй половины VIII в. н. э., медный асс Абассидов 162 г. х. (784—785 гг.), медный асс конца VIII в. н. э. Гарун-ар-Рашида, серебряный дирхем VIII в. чекана г. Тбилиси и анонимный дирхем, чеканенный в Васите в 129 г. х. (746/747 гг.). Все монеты этого погребения определены Г. А. Федоровым-Давыдовым — профессором Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Ранее они описывались нами, как принадлежащие к одному ожерелью (18; 22). Эта неточность должна быть исправлена.

В области шейных позвонков найдены три бронзовые пуговицы. У левой руки и в области грудной клетки расчищено большое скопление бусин халцедоновых, гешировых, сердоликовых, бисера. Здесь же лежали бронзовые витые пронизки.

У правой руки оказалось металлическое зеркало. Неподалеку лежал крупный фрагмент еще одного зеркала.

Среди бус найдена оригинальная подвеска в виде головы животного.

Несколько ниже лежали бронзовые застежки и копоушка. Рядом расчищены два ножа, вложенных в одни ножны, обтянутые тонким серебряным листом. Здесь же найден бронзовый литой бубенчик с крестом.

Два бронзовых браслета меньших размеров были найдены между ногами погребенного. Здесь же зафиксированы две бронзовых полых пуговицы и бронзовый перстень.

Четвертый костяк лежал вытянуто на спине, головой на Ю. Нижняя часть его была посыпана крупными кусками древесного угля. С обеих сторон черепа найдены бронзовые височные подвески. Справа, у плеча, лежало металлическое зеркало. В ушке сохранились остатки сыромятного шнурка.

Здесь же расчищено скопление гагатовых, сердоликовых, халцедоновых, перламутровых, хрустальных, стеклянных бусин и бисер. Рядом лежала бронзовая полая пуговица. На левой руке расчищен бронзовый браслет. Между стенкой камеры и костяком стоял глиняный кувшин. В области грудной клетки зафиксированы девять бронзовых литых бубенчиков.

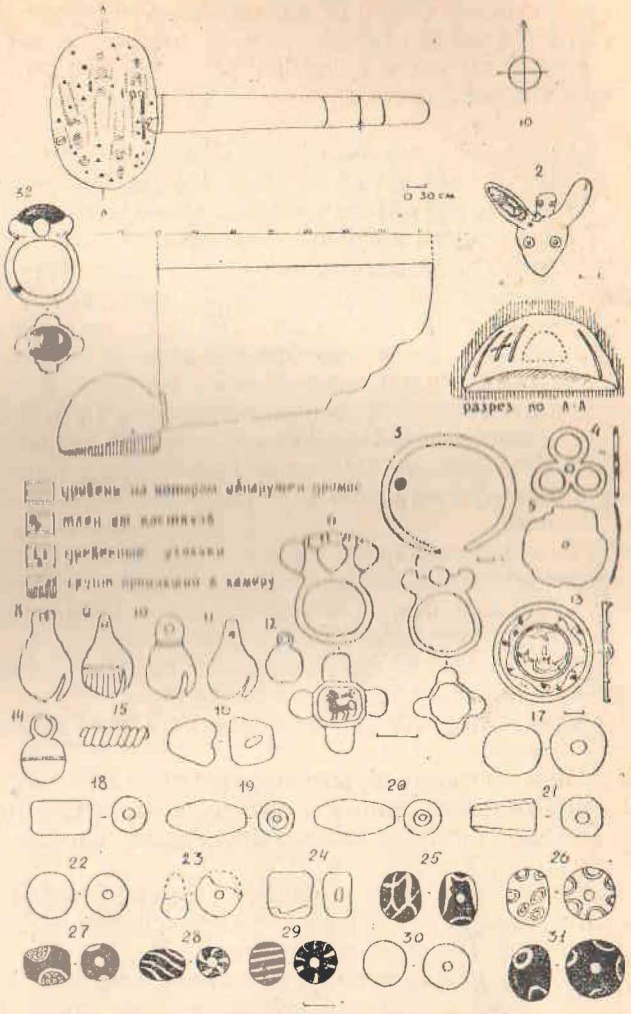

Рис. 9. План и инвентарь погребения 29

В ногах погребенного найдены каменный оселок и три железных ножа в ножнах, обтянутых тонкой серебряной фольгой.

Между вторым и четвертым костяком выявлено скопление бус и бронзовых витых пронизок, видимо, связанных с четвертым костяком. Здесь найдены гагатовые, сердоликовые, янтарные, стеклянные бусы и бисер (рис. 9—12).

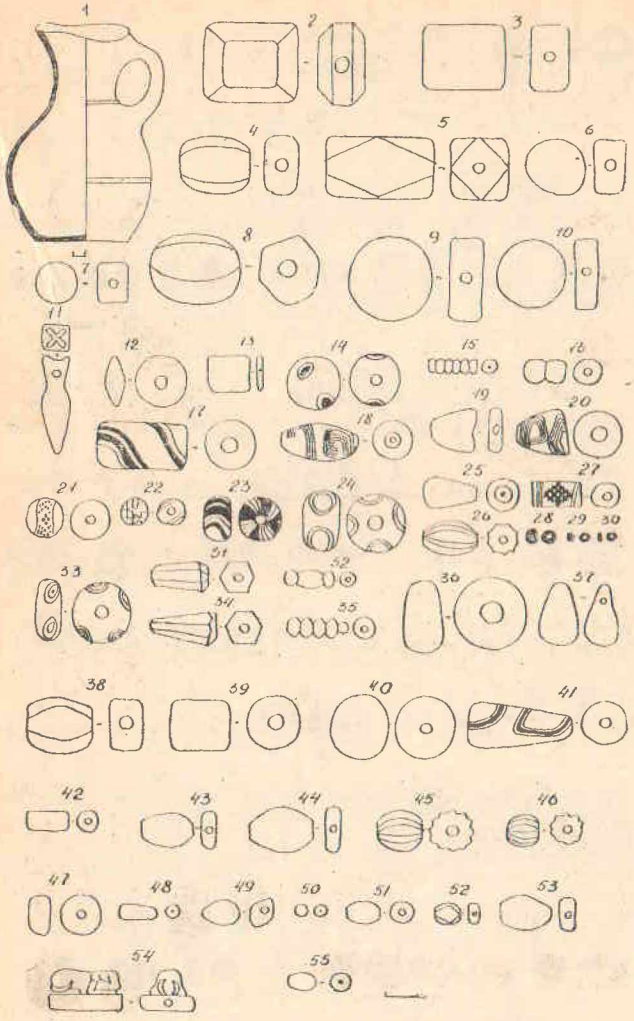

Рис. 10. Инвентарь погребения 29

Погребение 30*. Рядом с дромосом, в овальной ямке обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из фрагментированного кухонного горшка со сложенными в нем деталями конского снаряжения (две железных подпружных пряжки, шесть крупных бронзовых ли-

*Данное погребение на уже опубликованном плане могильника (2, рис. 1) ошибочно обозначено под № 31.

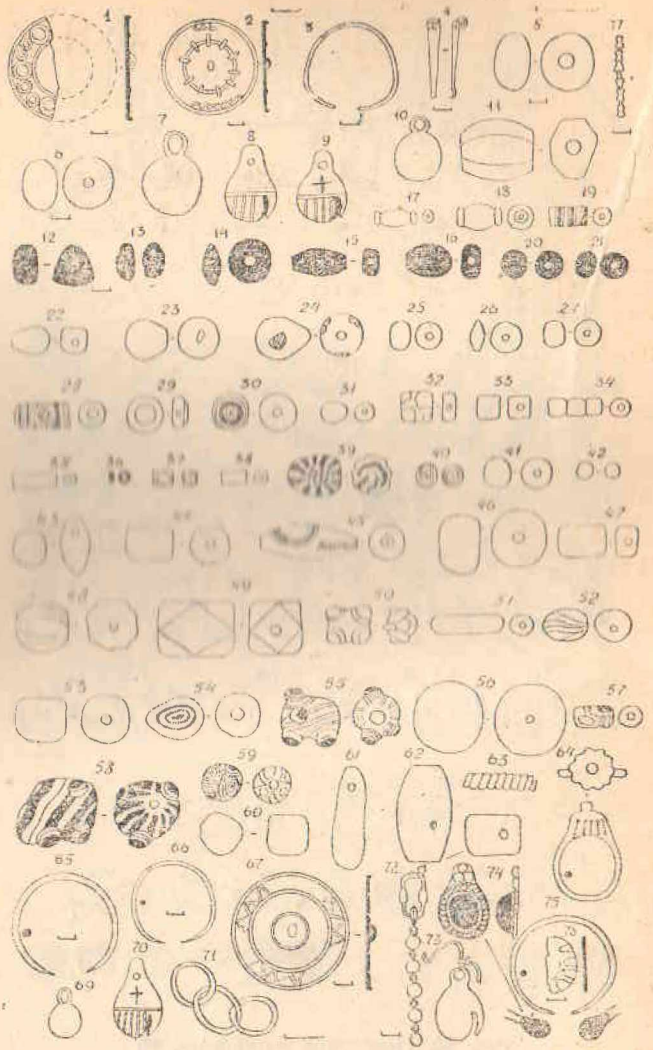

Рис. 11. Инвентарь погребения 29

тых бубенчика, остатки кожаного ремня с бронзовыми литыми бляшками, два массивных бронзовых кольца, начельник, а также многочисленные бронзовые листовидные подвески).

Справа от лаза, у стенки камеры, стоял красноглиняный кувшин. Рядом с ним лежала скорлупа от трех куриных яиц. У стенки, про-

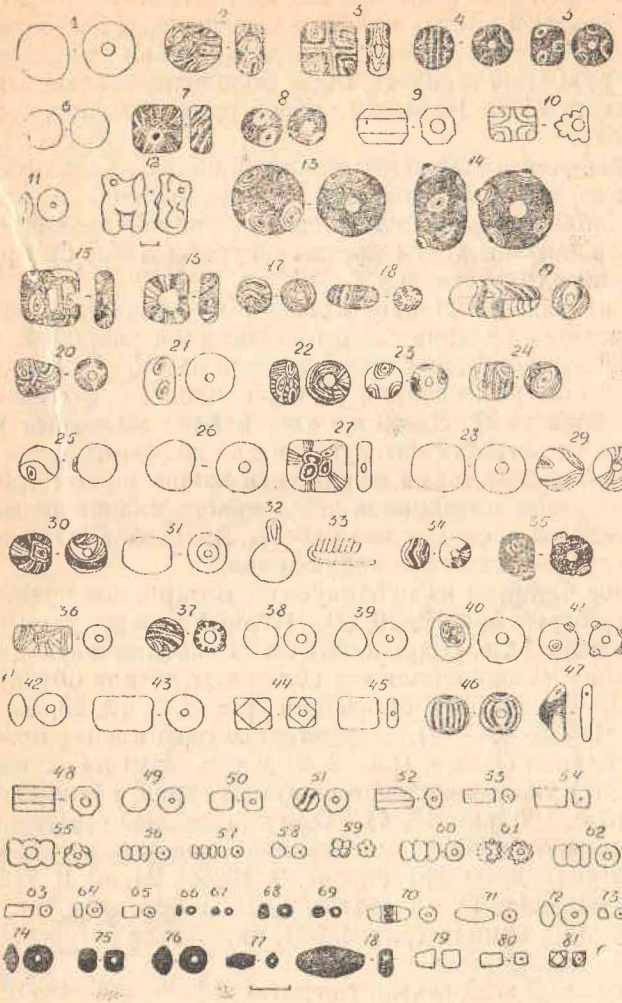

Рис. 12. Инвентарь погребения 29

тивоположной лазу, был отпрепарирован плохо сохранившийся костяк ребенка (головой на СЗ), положенный на подстилку из плоских галек и древесного угля и сверху еще раз обсыпанный древесным углем.

За черепом его лежал золотой византийский солид императора Феофила (829—842 гг.) с отверстием для подвешивания (опреде-

ление доктора исторических наук Д. Б. Шелова). Слева и справа от черепа расчищены височные кольца из толстой золотой проволоки. В области грудной клетки найдены четыре серебряных полых пуговицы. Слева, на уровне плеча, лежала железная секира. Вдоль правой руки, рукоятью к голове, была положена маленькая сабля в деревянных ножнах. На кисти правой руки расчищен золотой полый перстень.

На погребенного был надет кожаный пояс с накладками и пряжкой. От основного ремня вниз отходил более узкий боковой ремешок. Основной ремень носил следы починки кожаной основы, а два кольца были связаны друг с другом шнурком. Пояс был расстегнут, его наконечник отсутствовал.

Между костяком и стенкой катакомбы расчищены фрагментированные остатки колчана с дном из костяной пластины. В колчан было вложено несколько стрел остриями вверх, от которых сохранились железные наконечники (четыре плоских ромбообразных и один трехлопастный). Здесь же был найден железный колчанный крюк. Слева от погребенного лежали два железных ножа в ножнах с серебряными обкладками и граненым наконечником (рис. 13; 14).

Интерпретации материалов этого яркого аланского могильника будут посвящены последующие работы. Здесь же мы излагаем лишь некоторые хронологические наблюдения.

Наиболее ранними из публикуемых материалов представляются комплексы погребений 19, 29, 30. Первый может быть отнесен ко второй половине IX в. С хронологически предшествующими погребениями этого же некрополя его сближают детали обувных ремней (рис. 2, 9, 12, 21, 24, 56), бубенчики (рис. 2, 2, 13, 23, 59, 61), бусы (рис. 2, 5, 31—35, 43—49), характерное оформление ножен полосками серебряной фольги (рис. 2, 6) и т. д. Вместе с тем, серьги (рис. 2, 30, 52) уже совершенно не имеют зерни, сближаясь с серьгами X в. (3, с. 120, рис. 15, 4). Они аналогичны серьгам в других (территориально близких) могильниках, где есть и похожие на наши перстни (рис. 2, 30, 55) (4, рис. 9, 13, 23, 24, 10, 6, 7).

Дату (в пределах IX в.) подтверждает и браслет с треугольными углублениями на концах (рис. 2, 58), параллели которому известны (5, с. 30).

Погребения 29 и 30 связаны стратиграфически, что отражает и хронологическую близость. Не вдаваясь сейчас в детальный анализ обильного инвентаря обеих катакомб, отметим, что по нумизматическим находкам оба погребения не могут датироваться временем ранее первой половины IX в. Однако монетные поступления в погребения, как известно, запаздывают. Во всяком случае, аналогии застежкам (рис. 11, 77), копоушкам (рис. 11, 4), зеркалам (рис. 11, 1—2) из погребения 29 относятся к середине IX в. и более позднему времени (6, рис. 37). Серьги и перстни (рис. 9, 6, 11, 72) типичны для конца IX—X вв. (3, рис. 15, 2; 6, рис. 94, 55). Браслет со встав-

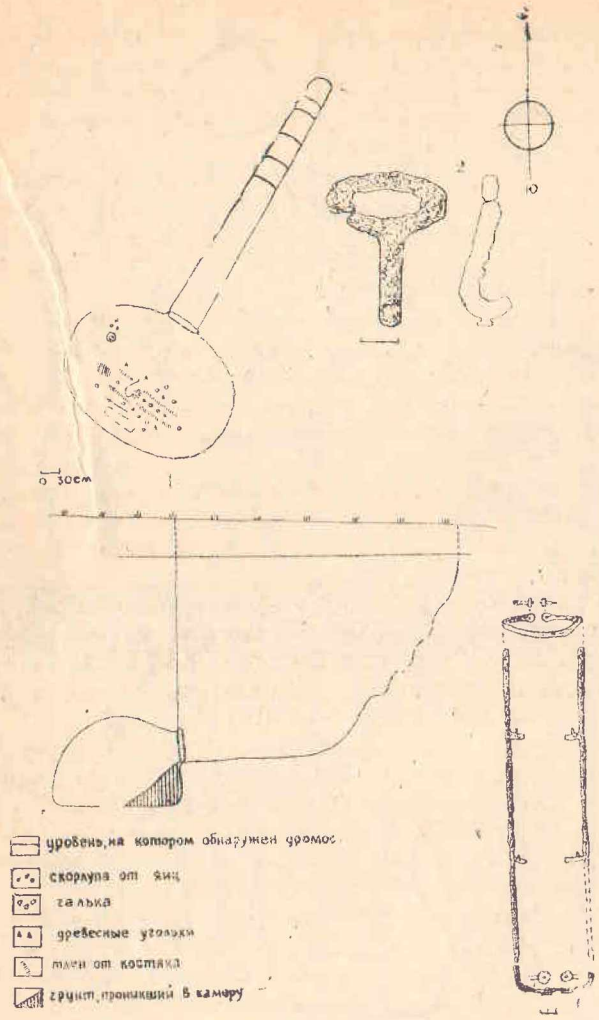

Рис. 13. План и инвентарь погребения 30

ками на концах находит параллели в хронологически последующих комплексах Мартан-Чу (2, с. 65), а также в погребении № 2 Шуанского могильника из каменных ящиков, среди прочих находок содержавшего и дирхемы, наиболее молодой из которых датирован 954/955 гг. (7, с. 37—38). Венгерские аналогии относятся к этому же времени (8, рис. 51).

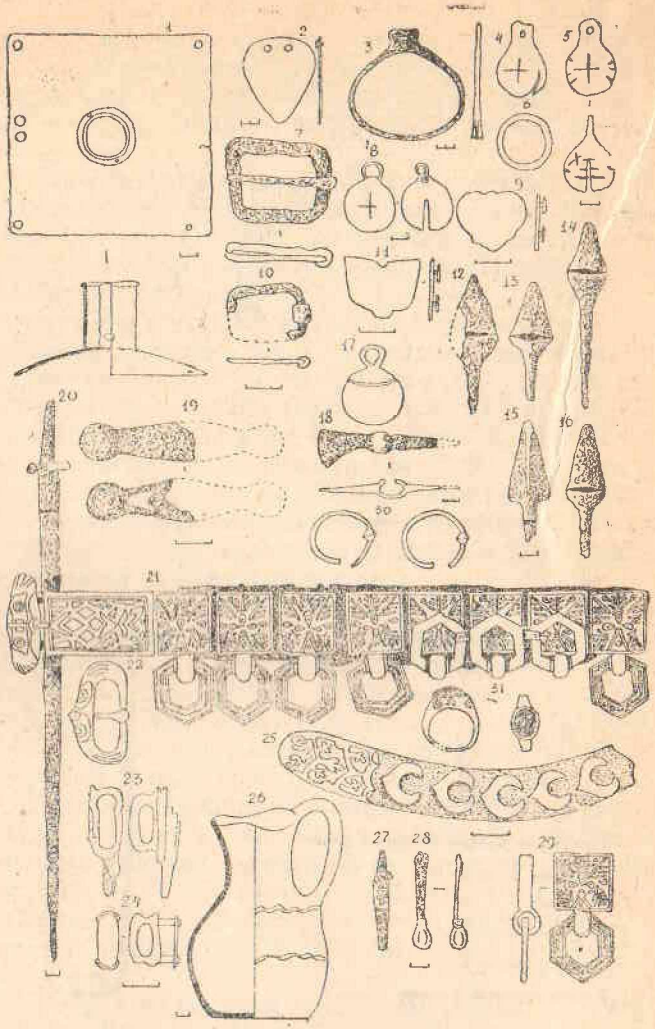

Рис. 14. 1—11 — находки из жертвенного комплекса; 12—31 — инвентарь погребения 30

Среди огромного количества разнообразных бус, типичных для VIII—IX вв., выделяются крупные гагатовые и стеклянные бусы (рис. 10, 2—11, 31, 34), находящие аналогии в могильнике Белой Вежи X—XI вв. (8, рис. 49, 7 ч., 9б—9г).

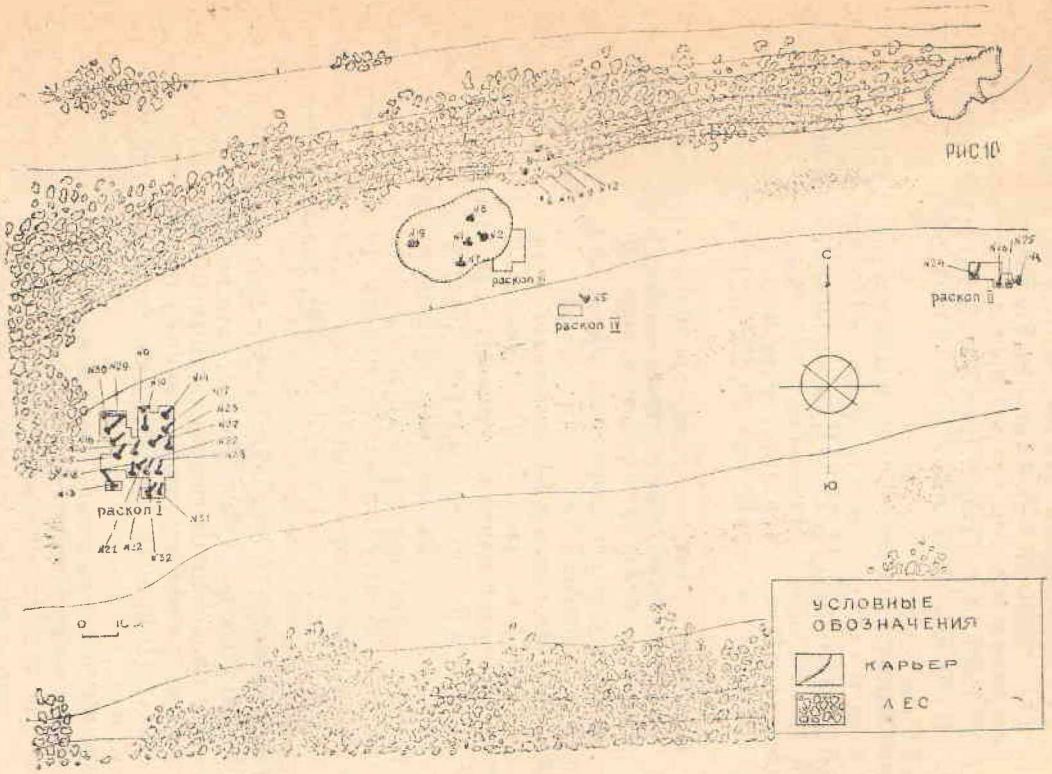

Рис. 15. План-схема Мартан-Чуйского 1-го могильника

Приведенные факты определяют дату погребения временем не ранее рубежа IX—X вв.

Погребение 30 было сооружено несколько позже, поскольку его дромос частично перекрыл дромос погребения 29. Этот вывод подтверждает как наличие монеты 829—842 гг., так и другой инвентарь, в частности поясной набор (рис. 14, 21, 25), сочетающий «салтовские» элементы с декором, характерным для поясов X — начала XI в. (9). Петли ножен сабли (рис. 14, 23, 24) и наконечники ножей (рис. 14, 28) аналогичны находкам из погребения 10 этого же могильника.

Вероятной датой погребения 30 можно считать рубеж IX—X— начало X в., о чем свидетельствует также и конская сбруя из жертвенного комплекса (рис. 14, 1—11), ранее неточно названного тризной (10, с. 137; 11, с. 107). Начельники неоднократно находили в погребениях X—XII вв. (11, с. 107), стремена близки некоторым южноуральским IX—X вв. (12, рис. 26, 29; 45, 6) и венгерским X в. (12, рис. 64, 13).

Связь этого погребения с поздней группой катакомб Мартан-Чуйского 1-го могильника подчеркивают и такие черты обряда, как галечная подстилка, наличие угля и куриных яиц.

Что касается других исследованных погребений, то наличие в их инвентаре ряда специфических черт позволяет датировать их X—XI вв. (13, с. 90). Этот вывод подтверждается аналогиями другим предметам — копоушке (рис. 7, 10) в Змейском могильнике (14, рис. 9, 8), крыловидной бляхе в Дардонском, Колосовском могильниках (15), сабле и наконечникам стрел (рис. 8, 4, 6) — в венгерских (8, рис. 16) и северокавказских древностях (6, рис. 94, 129, 130). Наиболее поздним (но, вероятно, не позднее пер. пол. XI в.) кажется погребение 26, детали поясного набора из которого близки находкам из Каранаевских курганов (12, рис. 58, 14), Киевского некрополя (16) и Джалки (1, рис. 5, 34—36), позднекочевнических комплексов (17).

Детальная хронология северокавказских древностей X—XIII вв. до сих пор практически не разработана, что во многом объясняется отсутствием полноценных покомплексных публикаций добытых материалов. Вводя в научный оборот яркие и отчасти получившие уже известность (1; 2; 6; 19; 20; 21) комплексы Мартан-Чуйского 1-го могильника, авторы выполняют задачу внесения вклада в преодоление этого хронического недостатка. Одновременно публикуемые материалы из Мартан-Чу существенно обогащают источниковую базу для исследования всех основных сторон исторического бытия собственно алан и многоплеменного Аланского государственного образования X—XIII вв., с восточной частью которых и связаны древности раннего средневековья на плоскостном побережье реки Мартан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии. — АВЭИСК, Грозный, 1979, с. 63—65.

2. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.). — Сб.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984, с. 62—86.

3. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

4. Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе. — Сб.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1, Орджоникидзе, 1980, с. 49—75.

5. Мамаев Х. М., Даутова Р. А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун. — Сб.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 6—45.

6. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

7. Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1937, № 234.

8. Istvan Dienes. Die Ungarn um die zeit der Landnahme. Budapest, 1972.

9. Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела. СА, 1983, 2, с. 62—77.

10. Мамаев Х. М., Савенко С. Н., Асхабов Г. Раскопки раннесредневековых могильников Чечено-Ингушетии. АО — 1978. М., 1979, с. 136—137.

11. Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X—XII вв. н. э. Кольцо-гора. — Сб.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983, с. 105—109.

12. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981.

13. Мамаев Х. М. О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии. — Сб. VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 89—90.

14. Кузнецов В. А. Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, 114, М., 1963, с. 8—47.

15. Кузьминов А. К. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска. Труды КЧНИИ, вып. VI, серия историческая. Ставрополь, 1970, с. 306—323.

16. Каргер М. К. Погребение киевского дружинника X в. КСИИМК, V, 1940, с. 79—82.

17. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

18. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982.

19. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья). — Византийский временник, т. 44. М., 1983, с. 190—196.

20. Vinogradov V. B. Altungarische parallelen zu einigen gräbern des alanischen gräberfeldes bei Martan-ču.—Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 35 (1—2), Budapest, 1983.

21. Erdelyi I. Uber die zusammen hange der Arabfunde bei Martan-ču.—Idid., Budapest, 1983.

22. Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 9 (раздел «Восточные монеты раннего средневековья» в этом издании составлен обоими авторами совместно).

РАСКОПКИ МАРТАН-ЧУЙСКОГО I-ГО МОГИЛЬНИКА в 1980 году

Во время полевого сезона 1980 г. на могильнике было раскопано еще 2 захоронения, а общее число их достигло 32 (1, с. 63—65; 2, с. 116).

Катакомба 31. Дромос частично разрушен. Длина сохранившейся части — 2,06 м, ширина у лаза — 0, 72 м, глубина 2,52 м. В ходе выборки заполнения была установлена неоднократность вскрытия дромоса в древности.

Овальная камера вытянута перпендикулярно к дромосу по линии ЗЗС — ВВЮ. Свод частично разрушен. Камера на ⅔ заполнена грунтом. Закладная плита упала внутрь. Входное отверстие имело подтрапециевидную форму. Размеры камеры: 1,92х1,40х1,13 м, порог — 0, 63 м.

На дне отпрепарировано 2 костяка. Первый от входа лежал вытянуто на спине головой на запад с отклонением к С. Справа от распавшегося черепа найден бронзовый бубенчик (рис. 1, 17). В области таза выявлены фрагменты пояса с бронзовыми пластинчатыми накладками: сердцевидной формы — 10 шт. (рис. 1, 5) и овальных — 7 шт. (рис. 1, 4). В набор входили 2 концевые накладки (с элементами растительного и геометрического орнамента и изображением фантастического животного) (рис. 1, 2—3), бронзовые скоба и пряжка (рис. 1, 6—7). Под кистью левой руки лежали два фрагментированных железных ножа в одних деревянных ножнах (рис. 1, 8, 10). Справа от костяка располагались детали каркаса колчана длиной в 54—55 см (рис. 1, 11—12). Внутри них был железный наконечник стрелы (рис. 1, 14) и секира с обушком (рис. 1, 9). Слева от локтя, возле упавшей плиты, стоял красноглиняный кувшин с высоким горлышком и носиком-сливом (рис. 1, 1).

У южной стенки на спине с подогнутыми голенями лежал второй костяк. Его голени перекрывались голенями первого. Находки располагались следующим образом: возле черепа — серебряные височные кольца (рис. 1, 19), справа от него — различные сердоликовые и стеклянные бусы и бисер (всего 120 шт.), (рис. 1, 26—41, 44—45), у левого локтя — 10 «зонных» глазчатых бус (рис. 1, 42—43) и два сильно фрагментированных ножа (рис. 1, 24—25), под тазом — бронзовая «крылатая» бляха (рис. 1, 20), в средней части грудной клетки — бронзовая копоушка, ногтечистка, «скалочка» (рис. 1, 18, 21—22), у локтя левой руки — колчанный крюк (рис.1, 13), на запястье правой руки — бронзовый браслет (рис. 1, 23), на кисти левой руки — перстень (рис. 1, 15).

Катакомба 32. Часть дромоса разрушена. Сохранившаяся длина — 3 м, ширина у лаза — 0,7 м, глубина — 2,21 м. Зафиксирована

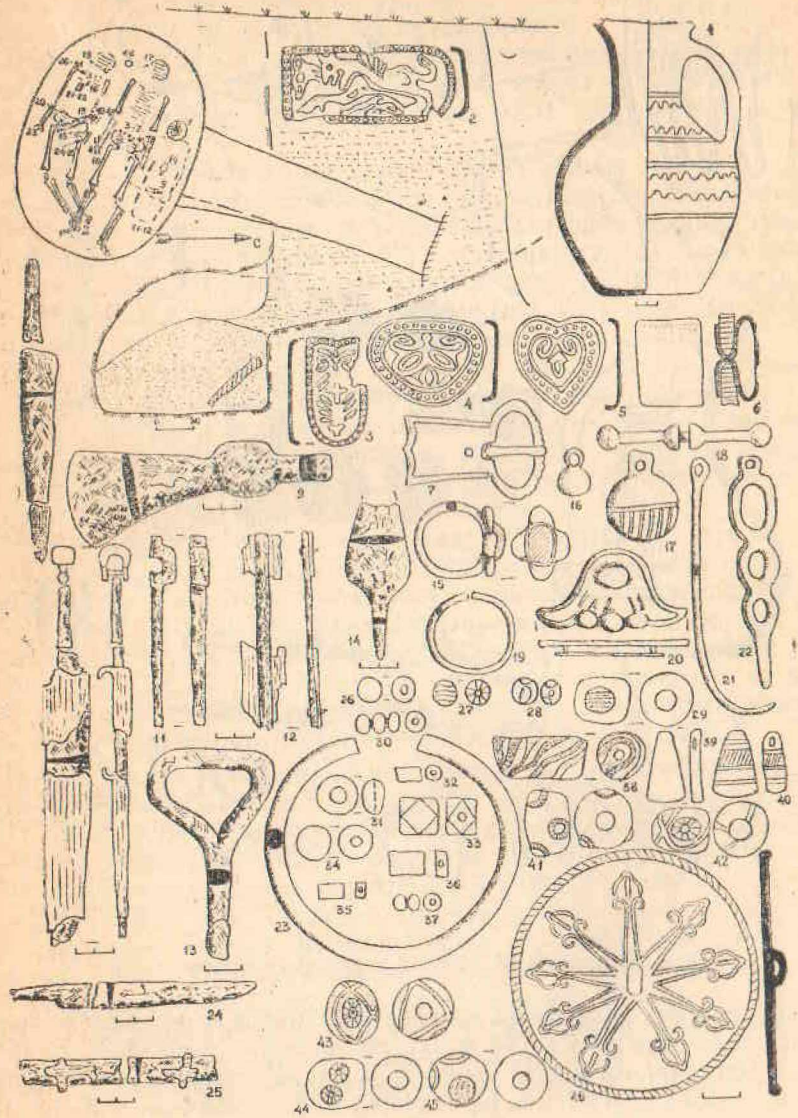

Рис. 1. Катакомба 31. План и инвентарь погребения

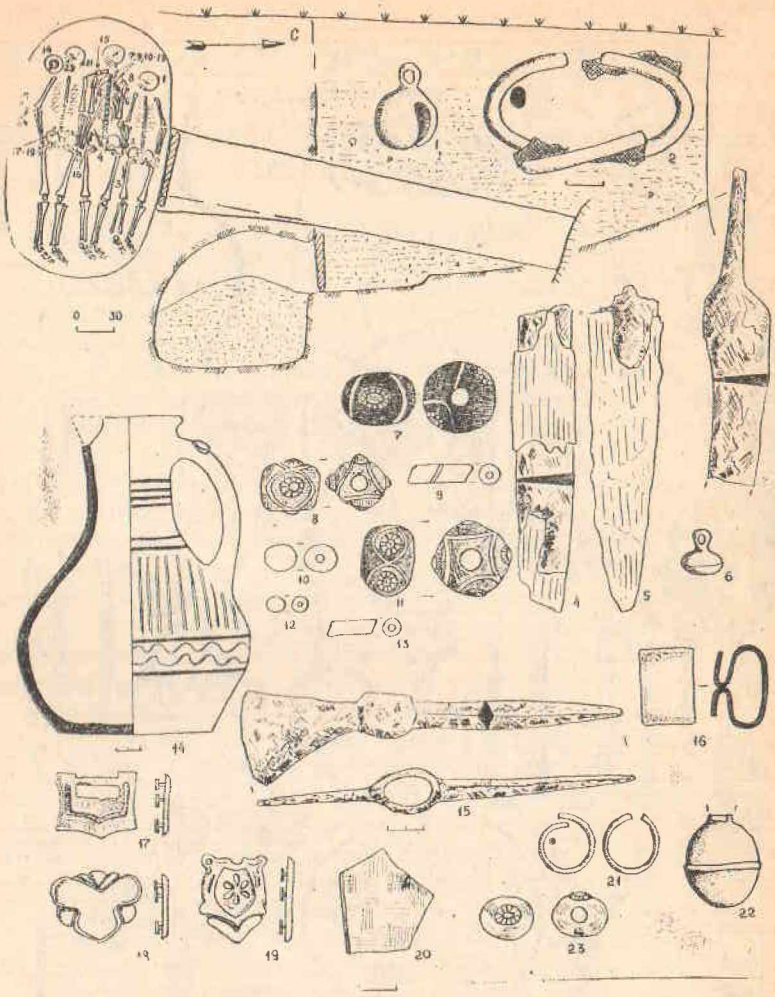

Рис. 2. Катакомба 32. План и инвентарь погребения

неоднократность раскопки в древности. Входное отверстие овальной формы, размерами 0,7 х 0,44 м, было закрыто каменной плитой. Свод с частичными разрушениями. В плане камера овальная, размерами — 2,1 х 1,24 х 1,1 м. Ориентировка длинной оси — В-З с небольшим отклонением к северу. Высота порога 0,7 м.

На дне камеры вытянуто на спине головой на запад располагались 3 костяка. Первый от входа принадлежал подростку. У черепа найден бубенчик (рис. 2, 1). На запястье правой руки — брас-

лет с остатками ткани (рис. 2, 2), у правого бедра — железный нож (рис. 2, 3).

На шее второго погребенного выявлено скопление мелких бус и бисера (рис. 2, 9—10, 12—13), на каждом плече — по 12 «зонных» бус (рис. 2, 7—8, 11). В верхней части грудной клетки лежала бронзовая литая пуговица (рис. 2, 6), в области таза — бронзовая скоба (рис. 2, 16) и фрагменты ножа в остатках деревянных ножен (рис. 2, 4—5).

Третий костяк взрослого мужчины (?) лежал вытянуто, руки вдоль туловища, ноги сведены в коленях, вплотную со 2-м костяком. Между ними на костях плеч находилась железная секира (рис. 2, 15) и глазчатая бусина (рис. 2, 23). У черепа справа стоял глиняный сосуд с прочерченной орнаментацией (рис. 2, 14). В области таза — литые накладки на пояс 3-х типов (рис. 2, 17—19), возле локтя правой руки — кабаний клык и кусочек стекла (рис. 2, 20).

Представленный материал позволяет говорить об определенной близости инвентаря погребения между собой по признакам: керамика, «зонные» бусы, литые бубенчики и пуговицы, височные кольца, круглые в сечении бронзовые браслеты. Однако элементы существенного различия в отдельных категориях инвентаря не позволяют считать катакомбы одновременными.

Инвентарь погребений находит аналогии в раскопанных захоронениях могильника. В катакомбе 13 содержались подобные обнаруженным: сосуд, перстни, бубенчики, «зонные» и граненные бусы (1, с. 66, рис. 2, 3—9, 25). Близки комплексы 31 и 15 по форме «крылатых» блях, типам кувшинов, мотивам орнаментации поясных накладок (3, табл. 6, 2, 4; 7, 2, 4, 7). Возможно, в одной форме были отлиты зеркала из этих погребений. Формы некоторых поясных накладок из камер 32 и 15 также однотипны (4, с. 92).

В материале выявляются черты салтово-маяцкого облика: литые бубенчики и пуговицы, отдельные виды бус, секира с обушком и другое. Аналогичные виды вещей были распространены в памятниках Подонья в VIII — первой половине X в. н. э. (5, с. 141, рис. 36). Встречались среди них и парные ножи в одних ножнах (6, с. 281, рис. 109, 3). Поясные накладки сходны с экземплярами из наборов Юго-Восточной Европы, выполненными в растительно-«личинном» стиле (7, с. 62—76), особенно период его вырождения. Изображения крылатых животных известны на накладках Больше-Тиганского могильника в Прикамье (8, с. 170—171). Е. А. Халикова предлагала датировать погребения памятника концом VIII — первой половиной IX в., но сейчас высказано мнение о более поздней их дате (9, с. 80).

В комплексах не ранее X в. встречаются «крылатые» бляхи. Рассматривая материал Танкеевского могильника, Е. Н. Казаков специально остановился на них, привел аналогии в Венгрии и Прикубанье (10, с. 167). К этому следует добавить находки в кочевни-

ческих курганах № 7 и 21 Саркела—Белой Вежи (11. рис. 27), киевское дружинное погребение X в. (12, с. 44). Немало «крылатых» блях в Змейском (13, с. 120, табл. XI, 3), Рим-Горском (14, с. 205, рис. 8, 8), Дардонском (15, с. 343, табл. 39б, 9, 14—15) и других северокавказских памятниках. Бляхи из Мартан-Чу более архаичны и близки найденным в Танкеевском могильнике.

Приведенные параллели устанавливают нижнюю хронологическую границу комплексов в пределах X в. н. э., скорее — его середины. Для определения верхних временных рамок важны особенности инвентаря Змейского могильника, подчеркнутые В. А. Кузнецовым: отсутствие перстней и браслетов из бронзы (16, с. 109). Крайне редки такие предметы и в других памятниках XI—XII вв. Центрального Предкавказья — Рим-Горе, Кольцо-Горе. Отсутствуют в Мартан-Чуйских погребениях и штампованные бубенчики. Поэтому катакомбы 31 и 32 относятся, вероятно, ко второй половине X — началу XI в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры Чечено-Ингушетии. — АВЭИСК, Грозный, 1979.

2. Савенко С. Н. Работы на раннесредневековых памятниках. — АО — 1980. М., 1981.

3. Vinogradov V. B. Altungarishe parallelen zu einigen gräbern des alanischen gräberfeldes bei Martan-Ču. — Acta Arheologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 35. Budapet, 1983.

4. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Раскопки у сел. Мартан-Чу. — АО — 1976. М., 1976.

5. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

6. Шрамко Б. А. Древности Северного Донца. Харьков, 1962.

7. Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела. — СА, № 2, 1983.

8. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник. — СА, № 2, 1976.

9. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

10. Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории древних угров. М., 1972.

11. Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой—Вежи. В кн.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА, № 109, 1963.

12. Каргер М. К. Древний Киев. — В кн.: По следам древних культур. Древний Киев. М., 1953.

13. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

14. Рунич А. П. Катакомбы Рим-Горы. — СА, № 2, 1970.

15. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

16. Кузнецов В. А. О позднеаланской культуре Северного Кавказа. — СА. № 2, 1959.

Р. А. ДАУТОВА, Х. М. МАМАЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОДЗЕМНЫХ СКЛЕПАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В изучении средневековых погребальных сооружений Чечено-Ингушетии, как и региона в целом, несмотря на определенные успехи последних лет, остается немало сложных и нерешенных вопросов (1; 37). В частности, остро назрела необходимость активизации исследовательских усилий в отношении горных памятников эпохи раннего и начала позднего средневековья, уровень изученности которых заметно отстает от плоскости. Ситуация усугубляется отсутствием полноценных публикаций материалов аборигенных памятников, в ряде случаев уже добытых давно (Дай, Цеча-Ахк, Элистанжи и др.).

К числу практически неизученных проблем с полным правом можно отнести вопрос о подземных склепах на территории республики. Неясна их хронология и археологическая характеристика в целом, что является следствием немногочисленности материалов, собранных в разные годы усилиями Л. П. Семенова и других исследователей и обобщенных в свое время В. А. Кузнецовым и Е. И. Крупновым (2, с. 103—108; 3). Работы последующих лет никаких существенных изменений в это положение не внесли (4, с. 50; 5). Поэтому первоочередной задачей являются поиск и введение в научный оборот новых материалов, чему в известной мере призвана служить и публикуемая статья, основу которой составляют данные о раскопках подземных склепов горной Чечни, проведенных в 1975—1979 гг.[1]

Исследованные могильники расположены в среднем течении р. Чанты-Аргун у сел. Ушкалой и Бугарой, а также в ее верховьях на территории исторического общества Малхиста в урочищах Чаре и Цой-Педе (рис. 1).

Ушкалойский 2-й могильник

В окрестностях сел. Ушкалой известно несколько могильников (32). Рассматриваемый некрополь расположен на юго-восточной окраине селения, на левом берегу р. Зумсой-ахк, в 1,5 км выше ее впадения в р. Чанты-Аргун и занимает небольшой холм с крутыми склонами.

[1] Памятники раскопаны археологическим отрядом Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии под руководством Р. А. Даутовой (предварительные информации см. в «Археологических открытиях» соответствующих лет) в тесном контакте с Предгорно-плоскостной археологической экспедицией Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого (начальник Виноградов).

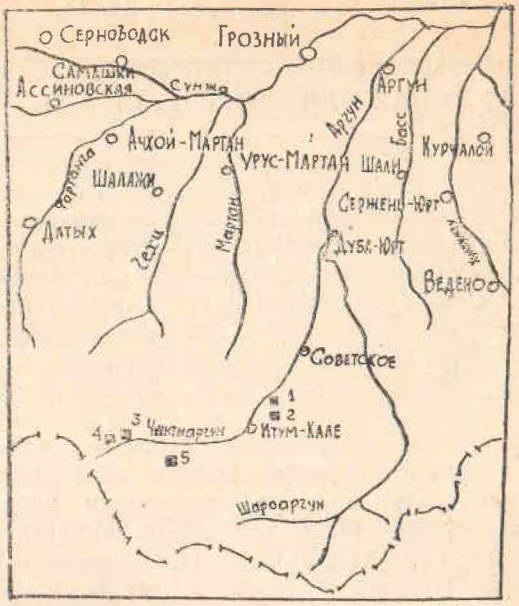

Рис. 1. Карта-схема размещения исследованных могильников из подземных склепов. 1—Ушкалойский 2-й могильник; 2—Бугаройский 1-й могильник; 3—могильник Чааре; 4—могильник Цой-Педе; 5—Майстинский могильник.

Склеп 1. Погребение было обнаружено случайно, когда в ходе дорожных работ частично разрушилось массивное каменное перекрытие склепа. По словам очевидцев, на дне камеры лежали костные остатки нескольких погребенных и инвентарь — глиняные сосуды, разнообразные бронзовые вещи. Однако ко времени проведения работ в 1979 г. склеп оказался заваленным грунтом, инвентарь расхищен.

В процессе расчистки выявилась подземная камера прямоугольной формы, ориентированная по линии С—Ю. Ее размеры: длина 2,80 м, ширина 1,30 м, высота 1,70 м (рис. 2). Стены сооружения сложены из грубо обработанного камня на глинистом растворе, местами сохранились следы штукатурки (на извести?). Они сужались кверху за счет напуска камней и на высоте 1,7 м от основания были перекрыты массивными, плотно подогнанными плитами, образуя т.н. «ложный свод» (рис. 2, 15). На высоте около 0,50 м от пола из за-

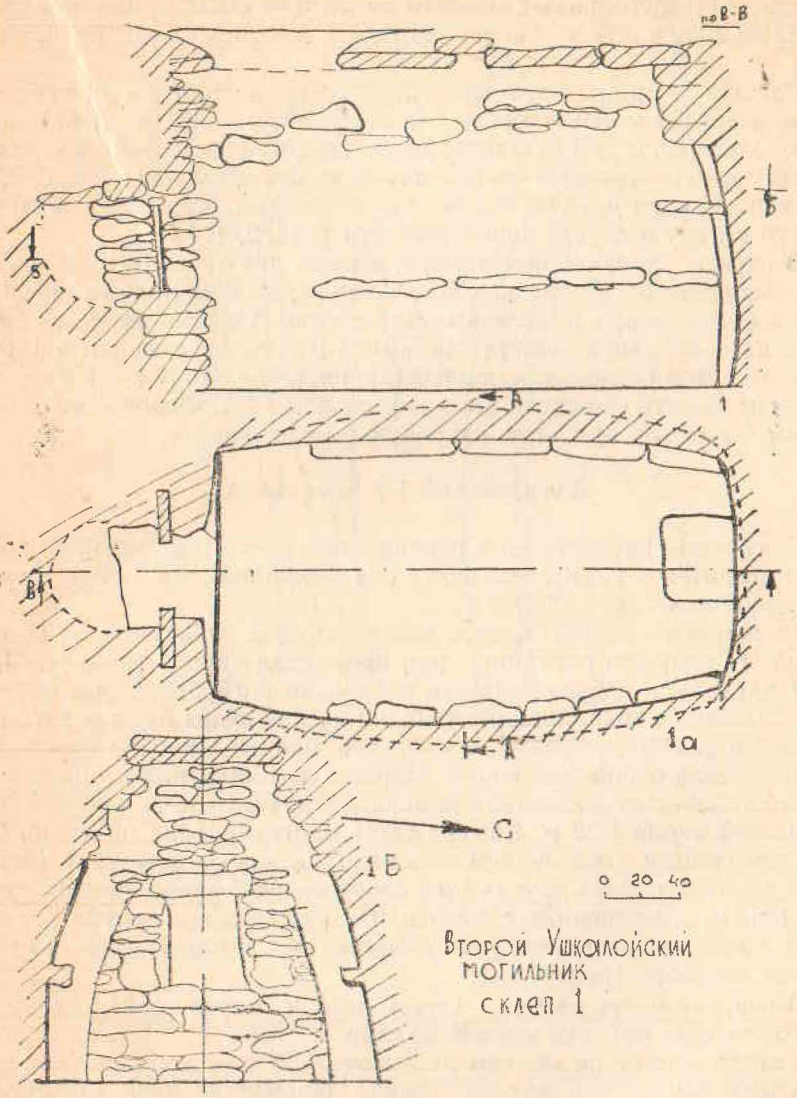

Рис. 2. План и разрезы склепа 1 Ушкалойского 2-го могильника

падной и восточной стен склепа выступал ряд каменных плиток. Вероятно, это остатки полок. Выше на 0,4 м из северной стенки торчала прямоугольная каменная плита 0,44 х 0,34 м, видимо, предназначавшаяся для установки сосудов с жертвенной пищей (рис. 2, 1а).

Расчистка прилазового пространства позволила установить, что лаз длиной 0,5 м имел прямоугольную форму (0,50 х 0,40 м). С внешней стороны он был оформлен двумя короткими боковыми стенками, перекрытыми сверху двумя каменными плитами. Подобная конструкция предохраняла лаз от заплыва грунта, облегчая доступ к нему в случае необходимости (рис. 2, 1, 1а).

В грунте, заполнявшем камеру, и на ее дне оказались лишь отдельные кости от нескольких погребенных, мелкие обломки неопределимых бронзовых и железных предметов. Однако здесь же была найдена серебряная монета Мухамеда-Булак, чеканенная в 1369—1370 гг., с отверстием для подвешивания (36, с. 63, рис. 14, 4). Эта и другие монеты определены профессором Г. А. Федоровым-Давыдовым, которому приносим глубокую благодарность.

Бугаройский 1-й могильник

Могильник расположен в центральной части сел. Бугарой, которое находится в 2,5 км восточнее сел. Ушкалой, на левом берегу р. Зумсой-аxк.

Он занимает склоны холма, известного под названием Бали-дук, и был обнаружен случайно, при прокладке дороги (рис. 3). При этом оказались поврежденными несколько погребений, два из которых (наиболее сохранившиеся) были исследованы нами в 1979 г.

Склеп 1. Обнажившееся и частично поврежденное перекрытие представляло собой массивную каменную плиту, под которой оказалась небольшая подземная камера длиной 2,10 м, шириной 0,80 м и высотой около 1,20 м. Камера была ориентирована по линии С—Ю с небольшим отклонением, лаз находился в южной стене (рис.4, 1). В основание трех других стен сооружения были уложены крупные плиты, дополненные с высоты 0,5 м кладкой из грубо обработанных камней вперемежку с булыжником, выполненной на глинистом растворе (рис. 4, 1а).

В верхней части камеры стены имели небольшой наклон вовнутрь за счет напуска камней кладки.

В восточной стене камеры на высоте 0,68 м от пола зафиксирована небольшая квадратная ниша. Прямоугольный лаз склепа (0,6 х 0,5 м) имел небольшую глубину — около 0,2 м и с внешней стороны был прикрыт крупной плоской плитой (рис. 4, 1, 1б). Вплотную к плите заклада примыкали сильно потревоженные остатки каменной кладки, выполненной также с использованием глинистого раствора.

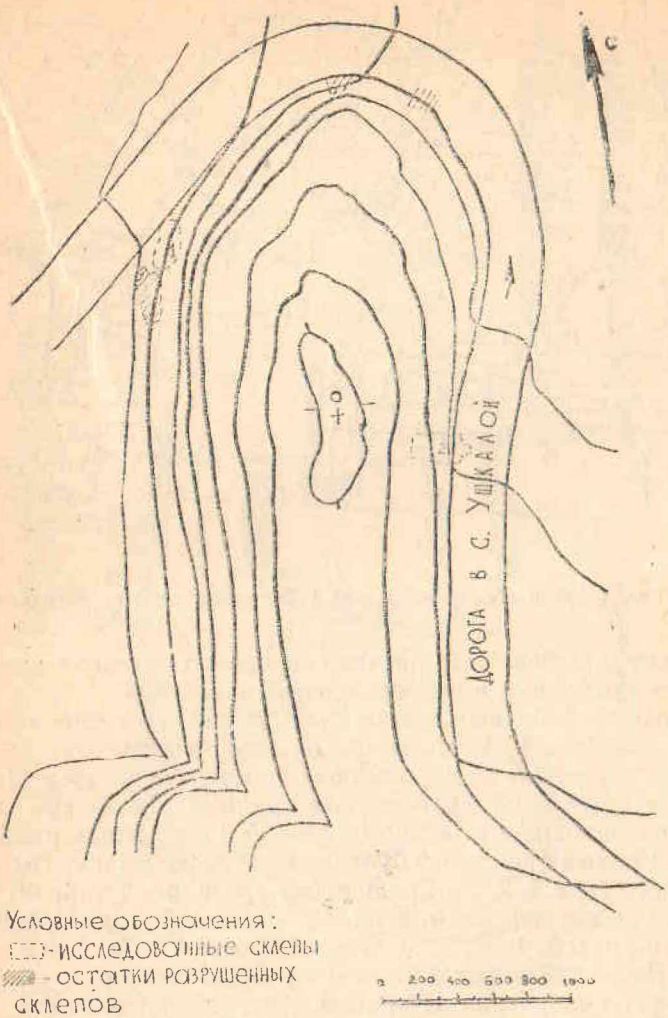

Рис. 3. План-схема Бугаройского 1-го могильника

Данная конструкция первоначально интерпретировалась как дромосовидный вход, выложенный из камня. Однако этому противоречит как ориентировка «дромоса», так и стратиграфические данные. Скорее всего, это остаток стены разрушенного дорогой склепа.

На полу камеры под обломками камня и небольшим слоем мел-

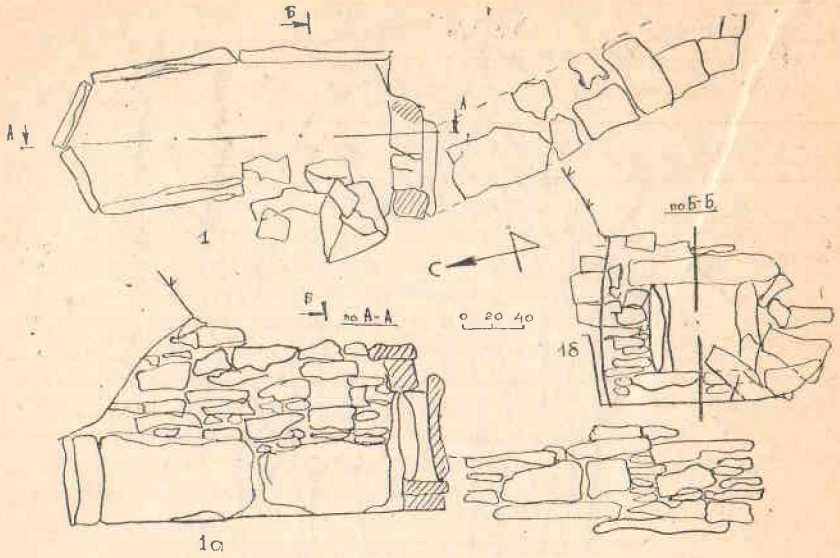

Рис. 4. План и разрезы склепа 1 Бугаройского 1-го могильника

кой гальки и щебня были расчищены сильно потревоженные костяки трех погребенных в сопровождении инвентаря

Первый погребенный лежал вдоль восточной стены камеры, головой к лазу (на Ю). Несмотря на раздробленность костей, фиксируется скорченное на правом боку положение скелета. Около раздавленного черепа обнаружены две крупные бронзовые височные подвески с заходящими концами (рис. 5, 1), на левой руке — двухвитковый полый бронзовый браслет и здесь же фрагменты железного браслета (рис. 5, 2, 3). Среди ребер оказались три бронзовых шаровидных полых пуговицы, а у таза — два небольших однолезвийных ножа (рис. 5, 4—6, 7, 8). Второй костяк находился в центре склепа. По расположению некоторых костей можно думать, что он также лежал скорченно на правом боку, головой к лазу.

Около фрагментированного черепа найдены два бронзовых острия головных булавок, причем на одном из них сохранилось припаянное бронзовое колечко — основа для крепления головки (рис. 5, 18, 19).

В области верхнего плечевого пояса были расчищены бусы: сердоликовые—бипирамидальная многогранная, две округлых (рис. 5, 9—11), одна бочонковидная гагатовая (?) (рис. 5, 12), одна фрагментированная стеклянная (рис. 5, 13), а также маленький полый серебряный шарик (от серьги?), обломки шаровидных полых брон-

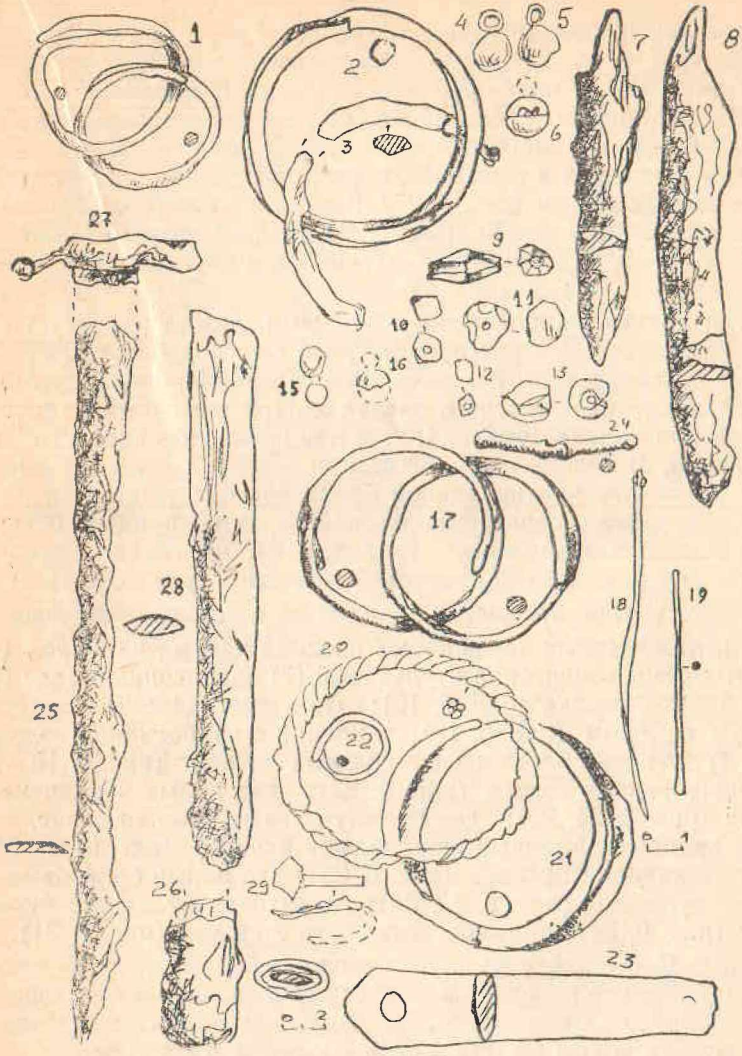

Рис. 5. Находки из склепа 1 Бугаройского 1-го могильника

зовых пуговиц (рис. 5, 15, 16), а также два проволочных бронзовых браслета в полтора оборота (рис. 5, 17).

На костях обеих рук обнаружены бронзовые браслеты — один был витым с петлей на одном и крюком на другом конце, второй — полым двухвитковым (рис. 5, 20, 21). Около кисти лежало неболь-

шое бронзовое колечко из тонкой проволоки в полтора оборота (рис. 5, 22).

У таза зафиксированы плоский оселок с отверстием и бронзовая застежка (рис. 5, 23, 24). Вдоль восточной стенки камеры лежали фрагменты двух клинков. Один из них — однолезвийный, со слабым изгибом полосы — имел обоюдоострый конец и был заключен в деревянные ножны с железным окончанием (рис. 5, 25, 26). Видимо, к нему относится и железное, слегка изогнутое перекрестие с шаровидными концами (рис. 5, 27). Здесь же найдены бронзовые петлевидные обоймы ножей (рис. 5, 29). Полоса второго также имела слабый изгиб, но была более массивной и двулезвийной (рис. 5, 28).

Третий костяк, наиболее поврежденный, лежал вплотную к западной стене камеры. Судя по всему, это был подросток, погребенный также в скорченном положении. В северо-западном углу склепа, за раздавленным черепом, оказались три железных, треугольных в сечении кольца (рис. 6, 1, 2) и две бронзовые височные подвески (рис. 6, 3). Вдоль северной стенки лежала группа предметов: верхняя часть орнаментированной бронзовой копоушки (рис. 6, 4), фрагментированная серьга с подвеской из полых бронзовых шариков, разделенных пронизками (рис. 6, 5, 6), обломки железного браслета и кусочек тонкой бронзовой пластины (рис. 6, 7, 8).

Еще одна группа предметов находилась в ногах погребенного.

Это пять железных черешковых плоских разных размеров (рис. 6, 9—13) и один конический втульчатый (?) наконечники стрел (рис. 6, 14); обломок оселка (рис. 6, 15); фрагмент железной пряжки с торчащим язычком (рис. 6, 16); заклепки с грибовидной головкой (рис. 6, 17); пять обломанных железных ножей (рис. 6, 18—22); фрагментированное кольцо (рис. 6, 23); два полых двухвитковых браслета (рис. 6, 24, 25); две прямоугольные пряжки (рис. 6, 26, 27); две крупные каменные шаровидные бусины (рис. 6, 28, 29) и плоская стеклянная бусинка (рис. 6, 30); две полые бронзовые шаровидные пуговицы (рис. 6, 32, 33); бронзовая булавка с бусиной наверху (рис. 6, 34); обломок железного стержня (рис. 6, 31).

Склеп 2. Расположен на противоположном, восточном склоне холма и был сильно поврежден — снесенной оказалась часть фасадной стены и перекрытие (рис. 37). Большая часть содержимого склепа исчезла, а сам он был завален камнем и грунтом.

Расчистка выявила подземную камеру, сложенную на глинистом растворе из разноразмерных плит и камней, причем в основание стен были положены более крупные обломки (рис. 7, 1а). Подпрямоугольный, со слегка выпуклыми стенками склеп длиной 2,3 м, шириной у передней стенки — 1,04 м, задней 1,70 м был вытянут по линии З—В с небольшим отклонением. Высота его составляла 1,25 м, прямоугольный лаз (0,6 х 0,5 м) располагался в вос-

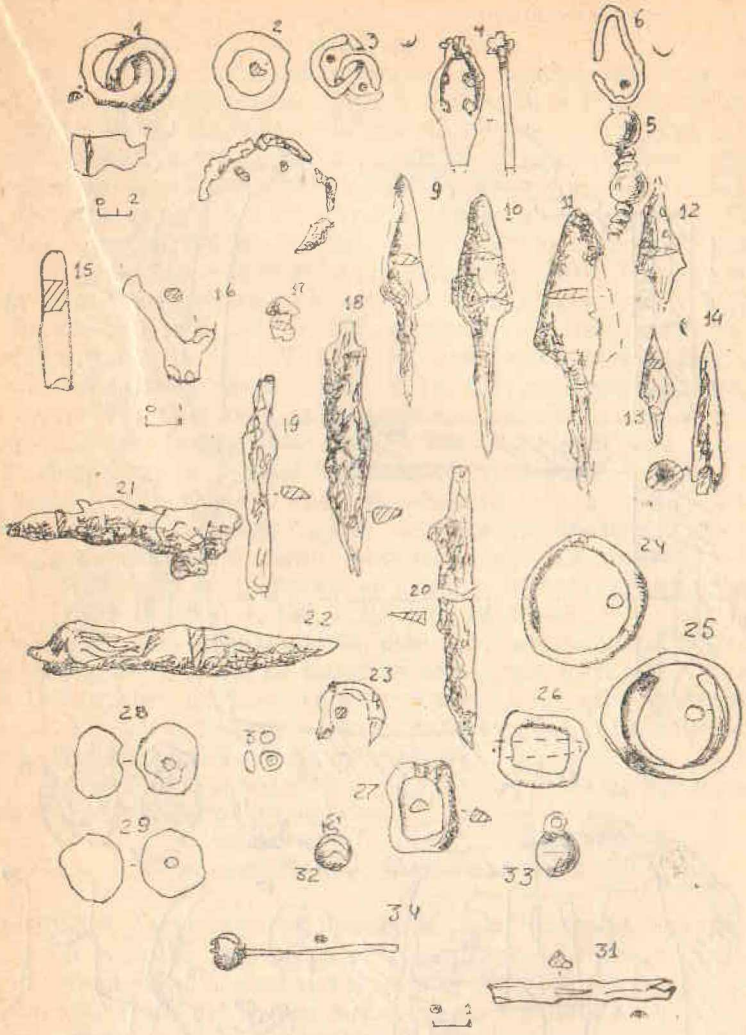

Рис. 6. Находки из склепа 1 Бугаройского 1-го могильника

точной стене на уровне около 0,5 м пола и снаружи был закрыт каменной плитой.

В кладке северной стены на высоте 0,80 м от пола располагалась квадратная ниша (0,25 х 0,25 м). Стенки камеры сужались кверху за счет напуска камней и на высоте 1,25 м были перекрыты

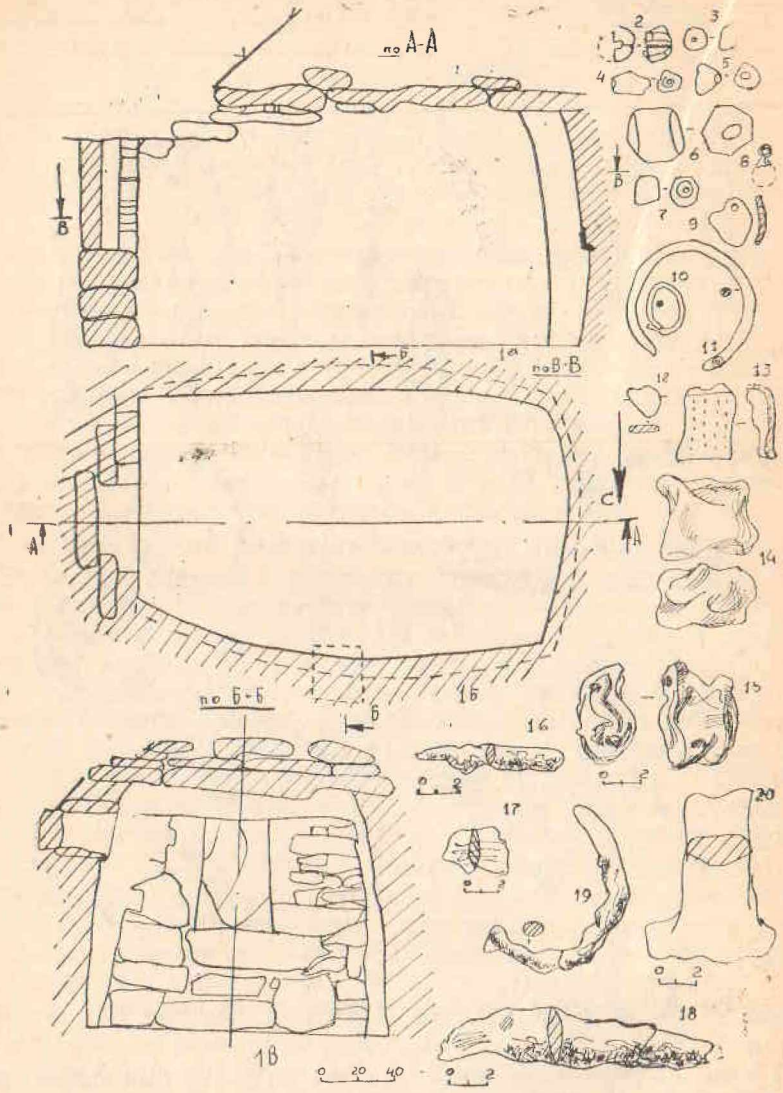

Рис. 7. План, разрезы и находки из склепа 2 Бугаройского 1-го могильника

массивными плитами, стыки между которыми снаружи закрывал еще один ряд более мелких плит (рис. 7, 15).

На полу склепа были обнаружены лишь разрозненные человеческие кости, сконцентрированные в основном у задней стены, поэтому об обряде достоверных данных получить не удалось. В ходе расчистки обнаружены остатки инвентаря, беспорядочно разбросанные по дну камеры. Это — шесть бусин (пять стеклянных и одна каменная) (рис. 7, 2—7); обломок бронзового предмета, бронзовое ушко от полой пуговицы (рис. 7, 8); перламутровая подвеска (рис. 7, 9); бронзовая проволочная подвеска (рис. 7, 10); кольцевидная бронзовая серьга с отверстием на одном конце (рис. 7, 11); обломок перламутра (рис. 7, 12); фрагмент бронзового наперстка с отверстием вверху (рис. 7, 13); четыре бараньих альчика, три — бычьих (два с отверстиями) (рис. 7, 14, 15); обломок железного ножа (рис. 7, 16); фрагмент двулезвийного железного клинка — возможно, от кинжала или меча (рис. 7, 17), железный нож с обломанным черенком (рис. 7, 18); половинка пряжки (?), (рис. 7, 19); часть ручки от гончарного красноглиняного сосуда (рис. 7, 20).

Особый интерес представляют находки двух монет с отверстиями для подвешивания — одна чеканена при Джанибеке в Новом Сарае (1342—1343 гг.), другая — редкая хулагуидская Джехан-Тимура (1339—1341 гг.), (36, с. 63, рис. 14, 2—3).

В сел. Бугарой зафиксирован еще один могильник. Он расположен у основания холма, на котором находится начальная школа — это около двухсот пятидесяти метров вверх по дороге от первого могильника. Погребения фиксируются по выступающим плитам перекрытий. Исследования его не проводились.

Два могильника находятся в верховьях р. Чанты-Аргун, на территории Малхистинского общества.

Могильник Чааре (Медвежья поляна)

Некрополь расположен у впадения в р. Чанты-Аргун притока Басты-хи и занимает верхнюю пологую речную террасу правого берега, сложенную из глинистых наносов, перемешанных с галькой и булыжником (рис. 8). Выбор места для могильника, видимо, прежде всего и определялся характером грунта, поскольку это единственный доступный для сооружения подземных камер участок в окружении твердых сланцевых выходов. Поверхность террасы загромождена постоянно падающими скальными обломками и наползающей осыпью, что делает весьма реальной угрозу гибели этого замечательного могильника. В 1975—1976 гг. на его территории было исследовано три погребения. Они довольно быстро обнаруживаются по провалам плит перекрытия и поэтому являются легкодоступной добычей для любопытствующих туристов, чем в значительной мере объясняется потревоженность их содержимого.

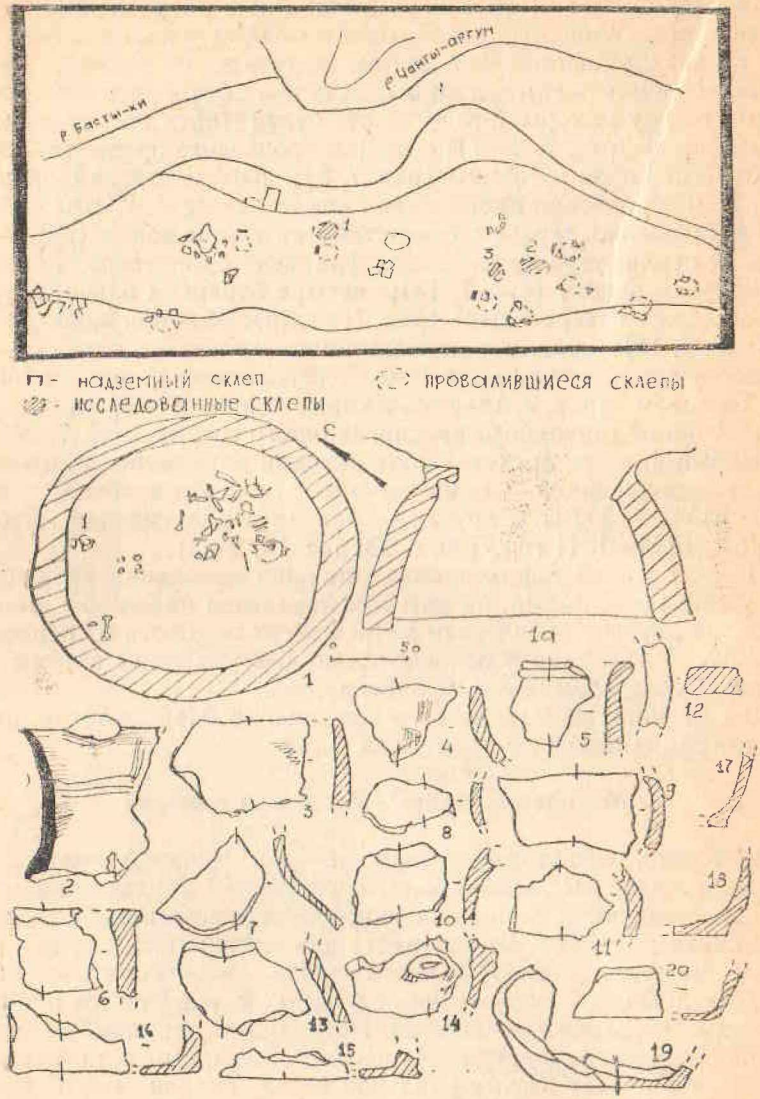

Рис. 8. План-схема могильника Чааре; 1, 1а — план и разрез склепа 1; 2—20 — фрагменты керамики из склепа 2 могильника Чааре

Склеп 1. Массивные сланцевые плиты перекрытия провалились внутрь, обнажив округлую (1,80 х 1,66 м) камеру, стенки которой были сложены из колотого сланца с использованием глинистого раствора (рис. 8, 1, 1а). Они сужались кверху за счет напуска камней, а образовавшийся пролет на высоте около 1 м был закрыт плитами. Лаза нет, и доступ внутрь осуществлялся, видимо, путем удаления перекрытия.

На полу камеры удалось зафиксировать разрозненные остатки костяков, в том числе три черепа. Из инвентаря сохранились фрагменты красноглиняных сосудов (десять обломков стенок, четыре — венчиков, четыре — донцев, одно — горло и одна ручка), частично орнаментированные врезанными линиями (рис. 8, 2—20). На одном из донышек нанесена глазурь. Найдены также обломки железного однолезвийного ножа и бронзовая деталь поясного (?) набора.

Склеп 2. Расположен в центральной части могильника. Часть плит перекрытия упала внутрь. Камера имела округлую в плане форму (2,0 х 1,80 м), стены и свод ее сложены в той же технике, что и у первого склепа. Высота камеры — 1,70 м, причем нижний ряд кладки стен был составлен из крупных каменных блоков. Лаза нет, в одной из стен устроена прямоугольная (0,50 х 0,60 м) ниша, расположенная на высоте 1 м от дна камеры (рис. 9, 1, 1а).

На дне после удаления завала зафиксированы беспорядочно разбросанные костные остатки нескольких погребенных очень плохой сохранности. Количество костяков и их позы установить не удалось. Склеп, видимо, грабился неоднократно, остатки инвентаря встречались по всей толще заполнения. Здесь были обнаружены следующие находки: фрагменты серебряных круглопроволочных браслетов со слегка заостренными концами (рис. 9, 2); фрагменты бронзовых браслетов из полукруглой и линзовидной в сечении проволоки (рис. 9, 3); пять бронзовых спиралевидных пронизок (рис.9, 4, 5); стеклянные бусы — сигаровидная из коричневого стекла с желтыми полосами и неправильно-цилиндрическая желтая с выпуклыми глазками (рис. 9, 6, 7); обломок бронзовой очковидной подвески (рис. 9, 8); металлическое зеркальце с ушком для подвешивания (рис. 9, 9); фрагменты железного предмета (рис. 9, 10); фрагмент железной втулки (рис. 9, 11); бронзовая грибовидная заклепка (рис. 9, 12); бронзовый литой предмет — подвеска (рис. 9, 13); обломанная крестовидная подвеска из бронзы (рис. 9, 14); фрагменты круглой железной пряжки (рис. 9, 15); сегментовидная бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 9, 16); обломок бронзового сегментовидного в сечении браслета (рис. 9, 17); обломок трудно определимого железного предмета (рис. 9, 18); железный черешковый наконечник стрелы листовидной формы (рис. 9, 19); целые и фрагментированные бронзовые подвески (рис. 9, 21, 22).

В этом же погребении обнаружены многочисленные фрагменты

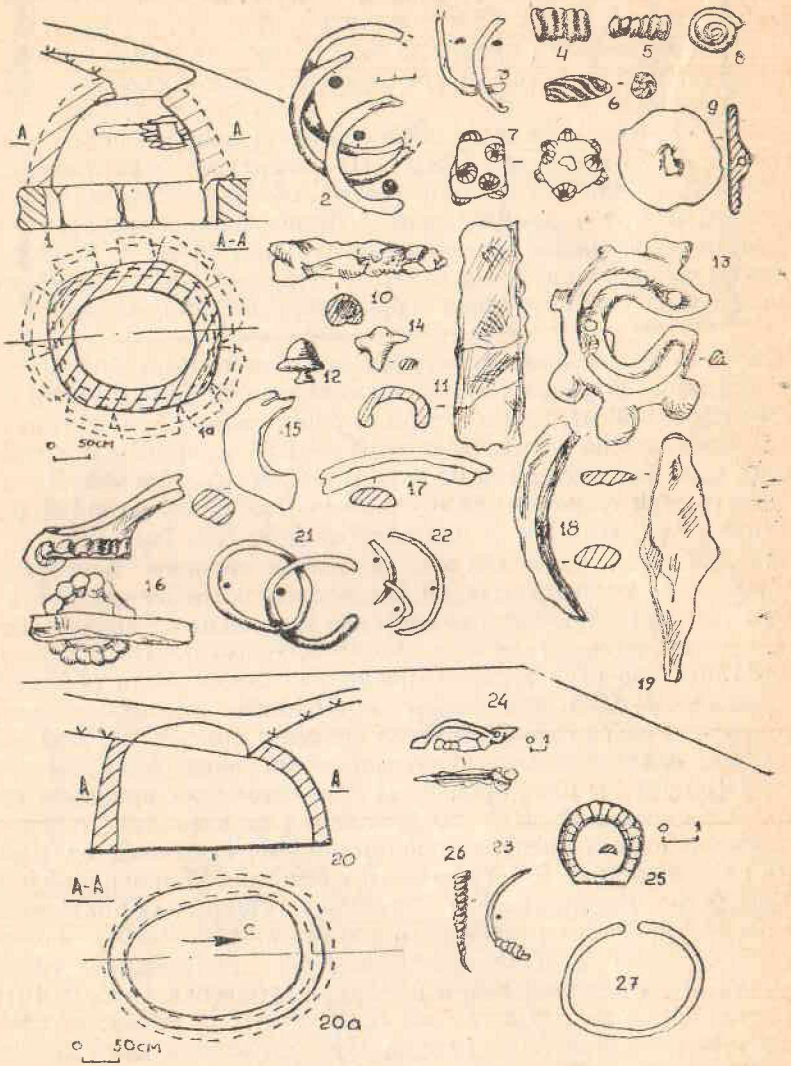

Рис. 9. 1—19, 21, 22—план, разрез и находки из склепа 2 могильника Чааре; 20, 20а — план и разрез склепа 3; 24—27—находки из склепа 3 могильника Чааре

глиняных сосудов. Среди них: обломок верхней части желтоглиняного кувшина (рис. 8, 2); фрагменты горловин и венчиков сосудов красного и серого цвета (рис. 8, 3—6); обломки донных частей красноглиняных сосудов (рис. 8, 15—20). Кроме этого, здесь же найдены многочисленные обломки неорнаментированных стенок красного и серого цветов и ручки (рис. 8, 7—14). Большая часть их принадлежит сосудам гончарной выделки, некоторые свидетельствуют о их ручной лепке. Поверхность многих фрагментов закопчена.

Склеп 3. Располагался в 10 м юго-восточнее склепа 2. Свод его тоже был провален. Расчистка выявила подземную камеру овальной формы длиной 2,58 м и шириной 1,5 м, ориентированную по линии С—Ю. Высота камеры составляла в северной части 1,1 м, в южной 1,35 м. Техника кладки здесь такая же, как и при возведении вышеупомянутых склепов, однако следует отметить очевидную асимметричность свода, связанную с сильным наклоном северной части сооружения (рис. 9, 20, 20а). Для перекрытия пролета также использовались массивные сланцевые плиты.

Количество и позы погребенных установить не удалось, поскольку содержимое камеры было перемешано — находки встречались во всей толще заполнения. Среди обнаруженных остатков инвентаря — два бронзовых, круглых в сечении браслета (рис. 9, 27); обломки нескольких кольцевидных подвесок из тонкой бронзовой проволоки с коническими спиралями (рис. 9, 23, 26); маленькая бронзовая фибула (рис. 9, 24); бронзовая сегментовидная пряжка (?) (рис. 9, 25); крупная бронзовая кольцевидная пряжка с зооморфными концами (рис. 10, 1); бронзовая сюльгама (рис. 10, 2); бронзовая крестовидная накладка с зооморфными концами (рис. 10, 3); три бронзовых очковидных подвеси из толстой проволоки (рис. 10, 4—6); массивная бронзовая кольцеобразная накладка с лучами (рис. 10, 7); три небольших круглых железных черешковых наконечника стрел — один вытянуто-ромбовидной формы, один — трехгранный, один — листовидной формы (рис. 10, 11—13); обломки железных предметов, может быть, черенков ножей или наконечников стрел (рис. 10, 14—16); однолезвийный железный нож (рис. 10, 17).

Особо следует отметить находку четырех массивных бронзовых фибул (две фрагментированные) с железными иглами (рис. 10, 18—20). От глиняных сосудов сохранились лишь многочисленные обломки, среди которых выделяется верхняя часть красноглиняного кувшина с оттянутым сливом (рис. 11, 1); фрагменты венчиков сосудов красного цвета (рис. 11, 2, 4); фрагмент сероглиняной миски (рис. 11, 3); фрагмент венчика сероглиняного лепного сосуда с отломанной ручкой (рис. 11, 5); фрагмент стенки желтоглиняного сосуда с волнообразным орнаментом и вертикальной штриховкой

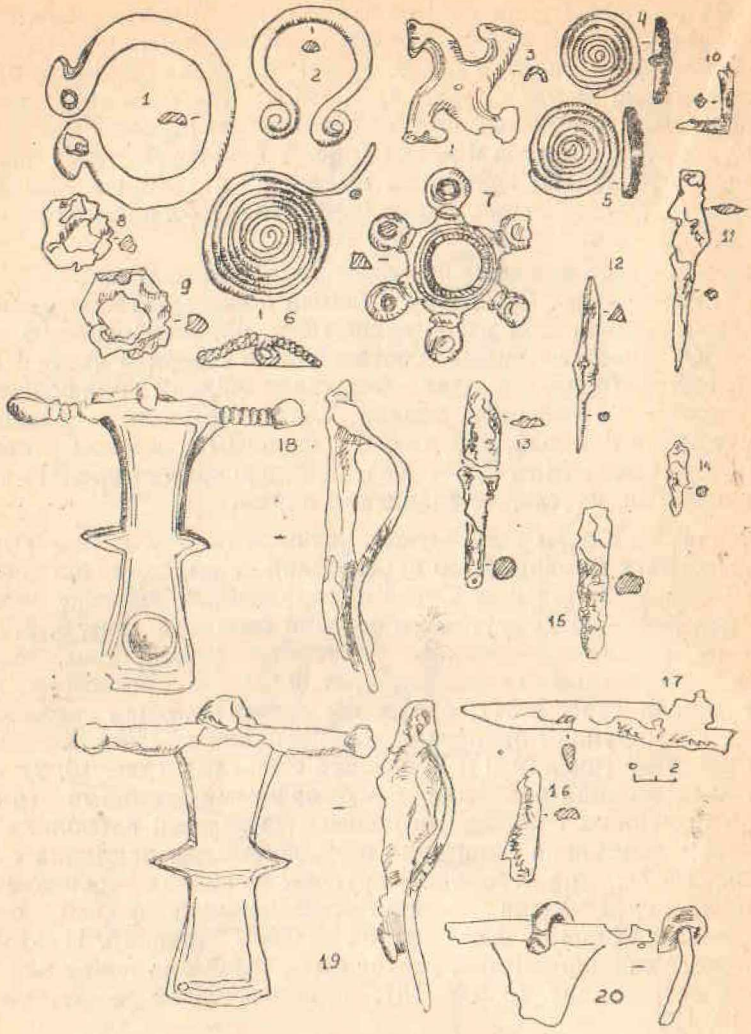

Рис. 10. Находки из склепа 3 могильника Чааре

(рис. 11, 6); фрагменты лентовидных ручек (рис. 11, 7); фрагменты желтоглиняного лепного сосуда (рис. 11, 8, 9); фрагменты толстостенного лепного колбообразного сосуда (рис. 11, 10, 11).

Часть фрагментов керамики покрыта копотью.

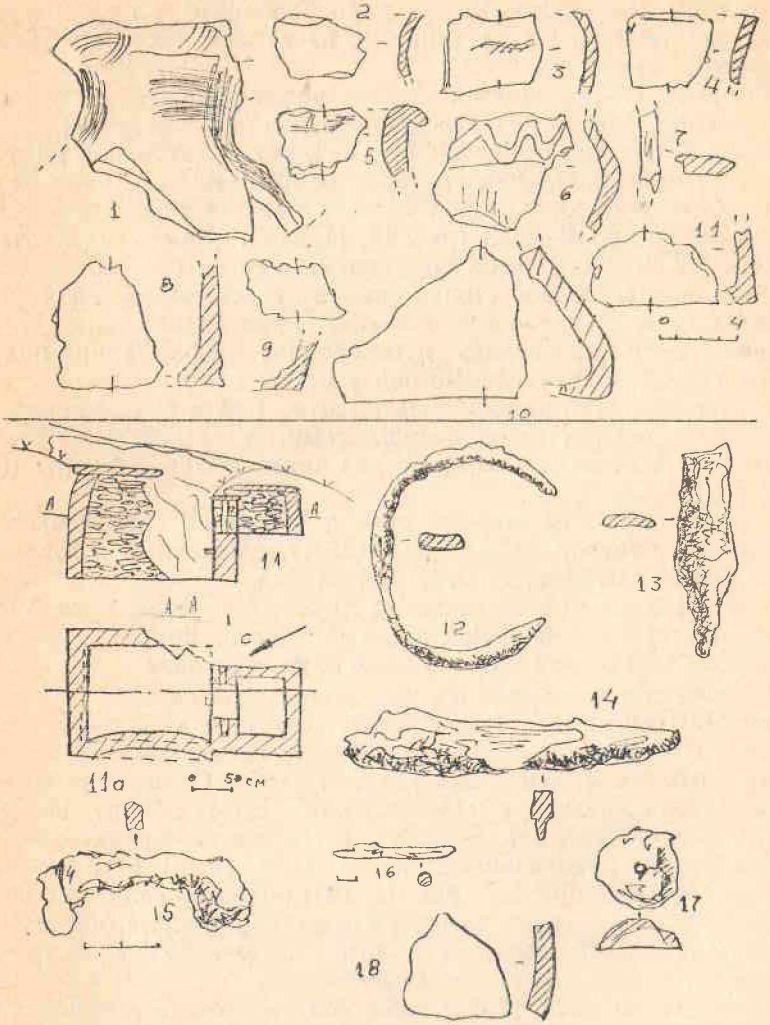

Рис. 11. 1—10 фрагменты керамики из склепа 3 могильника Чааре; 11—18 — план, разрез и находки из склепа 1 могильника Цой-Педе

Цой-Педе

В 1976 году на территории этого известного некрополя были обнаружены подземные склепы, расположенные на гребне утеса, между надземными усыпальницами, на склоне, который обращен в сторону р. Меши-Хи.

По провалам перекрытий удалось зафиксировать не менее десяти склепов, три из которых подверглись обследованию.

Склеп 1. Он был обнаружен по сдвинутой массивной плите перекрытия, после удаления которой открылась подземная камера прямоугольной формы (длина 1,7 м, ширина 1,25 м), ориентированная по линии СВ—ЮЗ (рис. 11, 11, 11а). Ее стены тщательно сложены из мелких плиток колотого сланца на глинистом растворе. Часть юго-восточной стенки склепа представляла собой выровненный выход сланцевого основания, противоположная стена в верхней части подверглась дугообразной деформации под давлением грунта. Вертикальные внизу стены слегка сужались вверху за счет напуска камней и на высоте 1,45 м были перекрыты крупными плоскими каменными плитами. В юго-западной стене на высоте 0,65 м от пола находился лаз прямоугольной формы (0,45 х х 0,35 м).

К нему с внешней стороны склепа примыкал небольшой прямоугольный притвор (0,75 х 0,65 х 0,55 м), сложенный в той же технике и перекрытый сверху каменной плитой.

Ниже лаза из этой же стены на высоте 0,35 м от пола внутрь камеры выступал небольшой плоский брусок. Вероятно, он предназначался для облегчения спуска в камеру из лаза.

На полу склепа находился небольшой слой грунта, в котором обнаружены потревоженные костные остатки нескольких погребенных (не более четырех) и инвентарь. Похоже, что костяки лежали в вытянутом положении головой на С. Склеп ограблен, поэтому остатки инвентаря малочисленны. Здесь обнаружены: железный плоский браслет (рис. 11, 12); два небольших обломанных железных однолезвийных ножа (рис. 11, 13, 14); фрагмент крупной железной пряжки (рис. 11, 15); обломок железного стержня (рис. 11, 16); круглая железная выпуклая бляха с отверстием в центре (рис. 11, 17); обломок черного стеклянного сосуда (рис. 11, 18); круглые бронзовые выпуклые бляшки с двумя отверстиями для пришивания (рис. 12, 1); обломок бронзового наперстка с отверстием вверху (рис. 12, 2); звено бронзовой цепочки (рис. 12, 9); спиралевидная пронизь (рис. 12, 3); полые бронзовые шаровидные пуговицы (рис. 12, 4—6), литая грушевидная бронзовая пуговица с пластинчатым ушком (рис. 12, 7); стеклянная граненая бусина с бронзовой петлей (пуговица?) (рис. 12, 8). Найдены и бусы: бочонковидная рифленая из желтого стекла (рис. 12, 10); дисковидные и округлые бесцветные стеклянные (рис. 12, 11, 12);

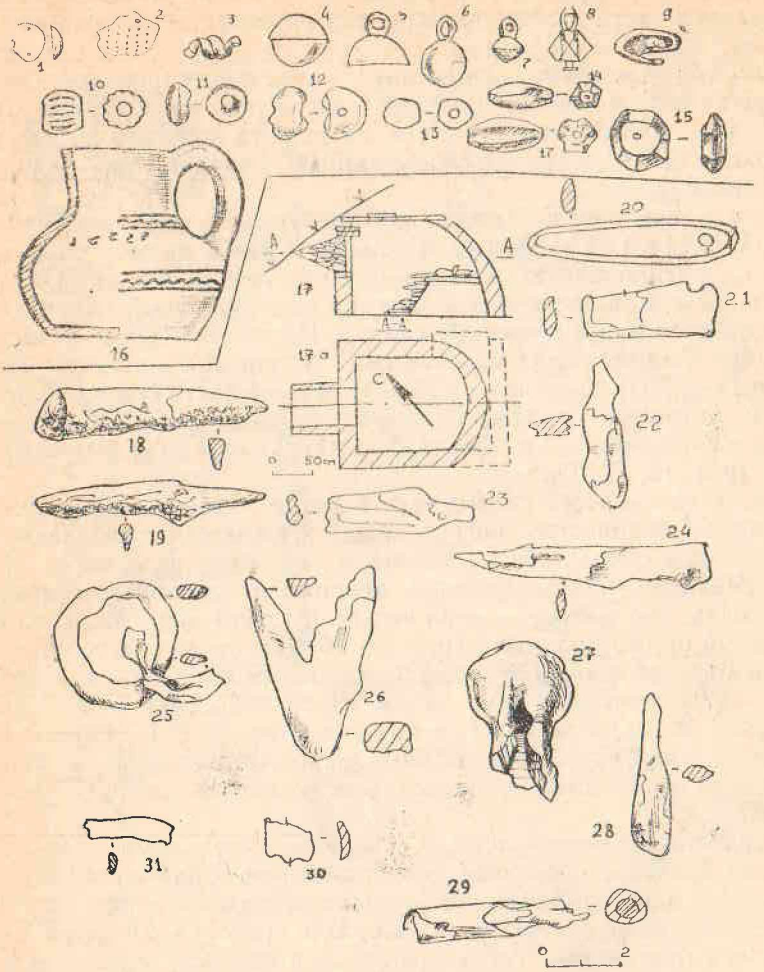

Рис. 12. 1—16 — находки из склепа 1 могильника Цой-Педе; 17—31 — план, разрез и находки из склепа 2 могильника Цой-Педе

биконическая желобчатая из серого стекла (рис. 12, 17); стеклянная с внутренней позолотой (рис. 12, 13) и сердоликовые — две неправильноокруглые (рис. 12, 13); одна бипирамидальная и одна многогранная (рис. 12, 14,15).

Особый интерес представляет находка красноглиняного гончарного кувшинчика, обнаруженного в юго-западном углу склепа

(рис. 12, 16). Он орнаментирован волнообразно-линейным декором, а в верхней части тулова процарапана грузинским шрифтом «асомтоврули» надпись «Гизего».

Склеп 2. Был обнаружен по лазу, выходящему на склон. Он был прикрыт плоской каменной плитой и засыпан землей. С двух сторон к лазу некогда примыкали стенки из мелкого колотого сланца длиной около 0,75 м, образуя своеобразный «коридорчик» с наклонным дном.

Впоследствии он почти целиком разрушился, обнажив лаз квадратной (0,51 х 0,51 м) формы. Последний вел в прямоугольную камеру, ориентированную длинной осью по линии СЗ—ЮВ, причем ее юго-восточная часть вверху имела сводообразный характер за счет сильного напуска камней кладки. На высоте 1,25 м оставшийся пролет был перекрыт массивными каменными плитами. Длина камеры — 1,75 м, ширина — 1,25 м. В нижней части северо-восточной стенки устроена подпрямоугольная ниша длиной 1 м, шириной 0,48 м и глубиной 0,33 м. Дно склепа находилось на 0,56 м ниже дна лаза (рис. 12, 17, 17а).

Содержимое этого склепа, как и ранее описанного, сильно потревожено, количество погребенных и позы не установлены. На полу камеры обнаружены следующие остатки инвентаря: фрагментированный красноглиняный неорнаментированный гончарный кувшинчик, два оселка — один целый овальной формы, другой обломанный прямоугольный (рис. 12, 20, 21); многочисленные железные предметы — фрагменты одиннадцати ножей, из которых десять — однолезвийных (рис. 12, 17, 19, 22—24), один — обоюдоострый (рис. 12, 24); две крупные пряжки (рис. 12, 25); двурогий наконечник стрелы (?), (рис. 12, 26); шаровидное навершие (рис.12, 27); много фрагментов неопределимых железных изделий (рис. 12, 28—31).

Украшения представлены в основном бронзовыми предметами: крупной бляхой с прорезной лепестковидной орнаментацией (рис. 13, 1); еще одной обломанной бляхой с круглым отверстием в центре и несколькими отверстиями по краям (рис. 13, 2); фрагментированным браслетом, сегментовидным в сечении, с заостренными концами (рис. 13, 3); обломанной рогообразной подвеской (рис. 13, 4); половинкой еще одной подвески с обломанным ушком (рис. 13, 5); фрагментами цепочки (рис. 13, 6); двумя коническими нашивными бляшками (рис. 13, 7); фрагментами фибулы — обломок спирали с металлической бусиной, надетой на двойной стержень, и обломок спинки (?) (рис. 13, 9, 10).

Среди находок фрагменты красноглиняных гончарных кувшинов — петлевидная ручка, тулово и дно (рис. 13, 11—13). Найдены также две круглые сердоликовые бусины (рис. 13, 14, 15).

Склеп 3. Погребение располагалось в 50 м южнее склепа 2 и было обнаружено по выступающей крупной плите перекрытия. Пос-

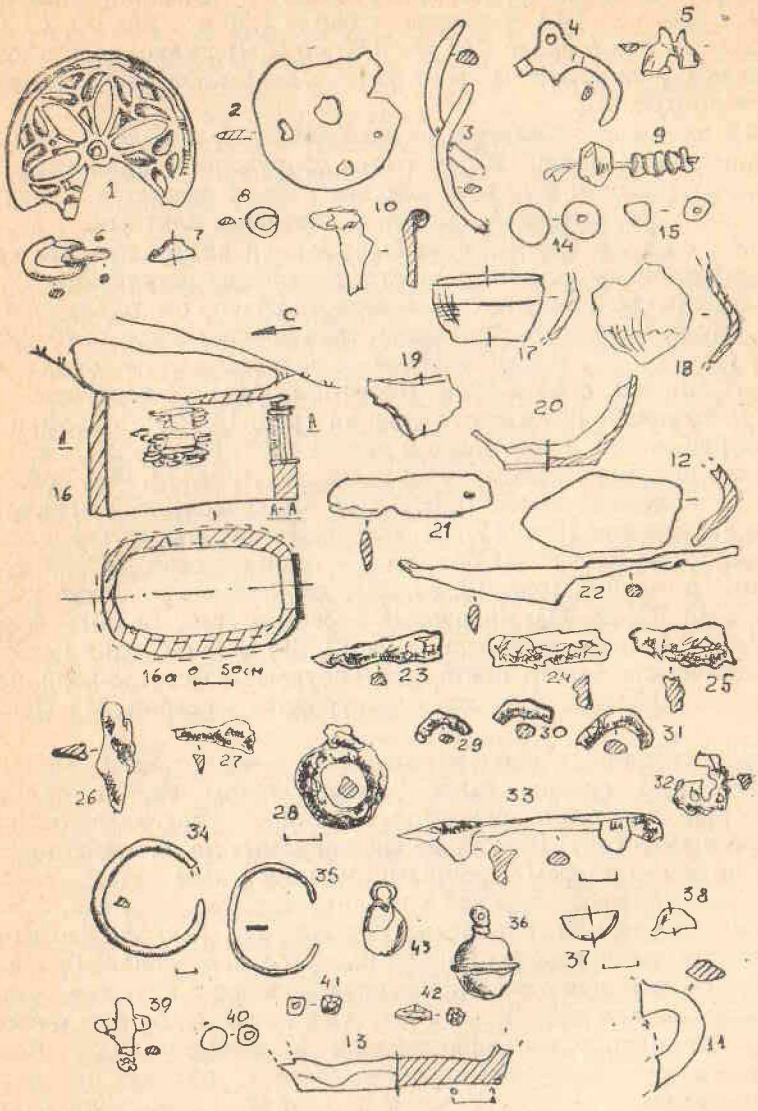

Рис. 13. 1—15 — находки из склепа 2 могильника Цой-Педе; 16—42 — план, разрез и находки из склепа 3 могильника Цой-Педе

ле ее удаления открылась овальная в плане подземная камера, ориентированная длинной осью по линии С—Ю. Длина камеры — 2,25 м, ширина — 1,15 м, высота — около 1,50 м (рис. 13, 16, 16а). Квадратный лаз в склеп (0,60 х 0,60 х 0,15 м) находился в южной стене камеры на уровне 0,5 м от пола. Лаз был закрыт плоской каменной плитой.

В восточной стене камеры расположены друг над другом две трапециевидные ниши. Кладка стен сооружения аналогична уже описанным склепам и за счет напуска камней сужается в верхней части, где перекрыта массивными сланцевыми плитами.

Камера на две трети объема была заполнена грунтом. На ее полу зафиксированы истлевшие кости нескольких погребенных и остатки инвентаря. Ввиду потревоженности склепа он сохранился частично. Это прежде всего фрагменты трех красноглиняных сосудов — миски (рис. 13, 17) и кувшинчиков с волнообразным орнаментом (рис. 13, 18—20), оселок продолговатой формы с отверстием (рис. 13, 21); фрагмент пружинных ножниц (рис. 13, 22); обломки железных предметов, в том числе и ножей (рис. 13, 23—27); круглая железная пряжка с обломанным язычком (рис. 13, 28); обломки каких-то железных колец (рис. 13, 29—32); железный предмет неясного назначения (рис. 13, 33); бронзовая цепочка из тридцати пяти звеньев; два бронзовых браслета — один плоский, другой — треугольный в сечении (рис. 13, 34, 35); две полые бронзовые пуговицы (рис. 13, 37, 38, 43); бронзовый бубенчик (рис. 13, 36); бронзовая крестообразная подвеска (рис. 13, 39) и бусы: одна глазчатая цилиндрическая белого цвета, две округлые из светло-коричневого стекла (рис. 13, 40, 41) и одна многогранная из сердолика (рис. 13, 42).

Кроме указанных выше могильников, в верховьях р. Чанты-Аргун подземные склепы были зафиксированы еще в Майсте на территории известного некрополя Фарскалой (Васеркел), обследованного в 1975 году. Визуально фиксируемые по частично выступающим из земли плитам перекрытий или округлым лазам, они расположены небольшой группой в средней части могильника. Судя по данным осмотра, они типологически различны. Так, два из них имели прямоугольные камеры длиной более 2-х и шириной более метра, один по внешнему виду напоминал колодец с круглым основанием и диаметром чуть более 1 м. Лаз у последнего был проделан сверху. Еще один склеп зафиксирован в скальной нише. Камера овальной формы, сложена напуском камней, раствор не замечен. Внутри две ниши — одна в южной, вторая — в восточной стене. Все склепы завалены камнями и грунтом, раскопкам не подвергались.

Остановимся на хронологии могильников. Наиболее ранними из публикуемых материалов представляют находки из Чааре (Медвежьей поляны). К сожалению, комплексы сохранились далеко не

полностью, однако оставшийся инвентарь позволяет датировать вскрытые склепы IX—X вв. н. э. На это время указывают сегментовидные рифленые детали поясных наборов. Аналогичные им известны в Дуба-Юртовском 2-м и Кенхинском 1-м могильниках, где определяются VIII—IX вв. (6, с. 18; 7, с. 35). Близкий предмет происходит из разрушенных погребений VIII—IX вв. могильника Яруджулеби (Восточная Грузия), (8, табл. XX). Такие же предметы обнаружены в Шенако вместе с другими находками VIII—XI вв. (9, табл. XXII, 5, 6). Кстати, грибовидная заклепка из склепа 2 (рис. 9, 12) очень близка дуба-юртовским из комплекса с указанными выше сегментовидными накладками.

Хорошо датирующими вещами обычно считаются фибулы, но горнокавказские типы изучены плохо, и в данном случае находки из склепа 2 прямых аналогий не имеют. Крупные шарнирные арбалетовидные фибулы в определенной мере можно сопоставить с находками из Харачоя (11, рис. 1, 2, 4, 5, 8), которые вряд ли относятся ко времени ранее второй половины VIII в. (12, с. 130). Среди последних наиболее близки рассматриваемым находки 1967 года 10; 13, рис. 3, 3, 4, 9). Однако фибулы из Чааре представляют собой более поздний этап их развития.

Тип двух других фибул определить труднее, но характерный изгиб спинки, расширяющийся к перекладине, в некоторой степени позволяет сближать их с фибулами типа Чинухоя (12, рис. 15, 7) или дагестанских (14, рис. 9, 3). Судя по обломкам, похожая фибула была и в склепе 2 могильника Цой-Педе (рис. 13, 9, 10). В целом их датируют VIII—X вв. (14, с. 133, рис. 16, 4).

Интерес представляют массивные очковидные подвески (рис. 9, 8, 10, 4—6), своим происхождением связанные еще с кобанскими древностями (15, рис. 48, 24, 25) и представленные в некоторых горных могильниках Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, относящихся к VIII—X вв. и даже X—XI вв. (7, рис. 3, 25; 14, рис. 21, 2). Любопытно, что и своеобразные височные подвески (рис. 9, 23) легко сопоставляются с кобанскими украшениями (16, с. 34, табл. XXIII, 4), еще раз подчеркивая глубинную генетическую связь культур горной зоны 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э. (17, с. 55—56). Сульгаммы часты в синхронных дагестанских древностях (14, рис. 17, 13—15), маленькое неорнаментированное зеркало близко шенакской находке VIII—XI вв. (9, табл. XVII, 1). В салтово-маяцких древностях подобные зеркала встречены в комплексах середины IX — первой половины X в. (19, рис. 37, 121). К IX веку относится и верхнеалкунская катакомба с таким же зеркальцем (18, с. 118). Эту дату подтверждают бусы и наконечники стрел. Последние имеют и более поздние аналогии.

Очень интересна крестообразная бляха с изображениями конских голов (рис. 10, 3). Такие предметы уже встречались в раннесредневековых памятниках горной Чечено-Ингушетии (7, с. 33).

Что касается бронзового предмета с выступающими лопастями из склепа 2 (рис. 9, 13), то Р. А. Даутова полагает возможным рассматривать его в качестве прототипа позднейшим ингушским лопастным подвескам (21, с. 157). Фрагмент поливного сосуда из склепа 1 не уточняет дату последнего, однако заметим, что подобные керамические изделия нередки в горных памятниках конца раннего средневековья (14, с. 202; 7, с. 36).

Таким образом, большая часть аналогий позволяет датировать вскрытые погребения Чааре IX—X вв., хотя в их инвентаре несомненно наличие как более ранних, так и встречающихся в более поздних комплексах элементов материальной культуры. Характер хронологического показателя в горах приобретает отсутствие в рассмотренных материалах металлических пуговиц и бубенчиков (7, с. 32—33). Последние хорошо представлены среди инвентаря склепа 1 Бугароевского 1-го могильника (рис. 5, 7—6, 16; 6, 32, 33), что уже не позволяет датировать его ранее указанного времени. Многие предметы из склепа 1 имеют четкие параллели в хорошо определимых хронологически могильниках плоскостной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Так, копоушки, аналогичные бугаройской, встречены в катакомбах Змейского могильника XI—XII вв. (22, рис. 9, 8) и Мартан-Чуйского 1-го могильника X — XI вв. В этих же некрополях, как, впрочем, и в иных могильниках Северного Кавказа, встречены такие же наконечники стрел (рис. 6, 9—13), (22, рис. 12, 5, 6) и сабли (23, табл. IV, V; 24, рис. 11, 3). Второй клинок (рис. 5, 28) относится к иному типу и может быть сопоставлен с бежтинскими находками (14, с. 166—167). В горных некрополях Дагестана и Чечни обнаруживаются аналогии и таким украшениям, как витые, а также обычные браслеты (рис. 5, 20) и головные булавки (рис. 5, 18, 19; рис. 6, 34). Они часты в погребениях VIII—X вв. и более позднего времени (14, с. 142 —146; 7, с. 30, 32). Аналогичные булавки входят в состав находок из разрушенных погребений VIII—IX вв. в Яраджулеби (8, табл. ск. XIX, 4, 5). Серьги с подвижными колонками из металлических бус (рис. 6, 5, 6) хорошо представлены в аланских могильниках. Рассматриваемые образцы, судя по пронизям между ними, относятся к позднему варианту этих украшений — не ранее конца IX в. (24, рис. 15, 11).

Среди бус особо выделяются бипирамидальные сердоликовые (рис. 5, 9). Аналогичные представлены в горногрузинских памятниках и славянских древностях X—XIII вв. (8, табл. LX, 2; 26, табл. XXXVII, 20, XLII, 12). Поэтому датировки подобных бус в Дагестане представляются заниженными (27, рис. 4).

Не находят прямых аналогий полые двухвитковые браслеты. Остальные типы бронзовых и железных браслетов широко представлены в могильниках горной и плоскостной зон конца эпохи раннего средневековья.

Характерно наличие среди инвентаря склепа 1 металлической застежки — близкий по назначению предмет найден в погребении 10 Мартан-Чуйского 1-го могильника, датируемом рубежом IX—X вв. (24, рис. 9, 6). Такие же застежки найдены в одном из погребений нового Бечикского могильника X—XI вв. в 1984 году.

В целом анализируемый комплекс может быть отнесен ко времени не ранее конца X—XI в., причем обращает на себя внимание наличие в нем заметно большего числа «плоскостных» вещей (сабля, наконечники стрел, копоушки, височные подвески, металлические пуговицы) по сравнению с содержимым погребений некрополя Чааре. Видимо, в этом отразился как хронологический аспект, так и подмеченная уже зависимость — количество инокультурных для гор предметов увеличивается по мере приближения к равнинам Северного Кавказа (28, с. 90).

Что касается подземных склепов, исследованных на Цой-Педе, то хронологически значимый материал в них скуден. Наиболее ранним кажется склеп 2, где обнаружены уже упоминавшиеся обломки фибулы (рис. 13, 9, 10). Круглая бляха со сложным прорезным орнаментом прямых аналогий не имеет (рис. 13, 1), вторая бляха (рис. 13, 2) похожа на шенакские (9, табл. XVII, 2). Обломок железного наконечника ножен (3) с шаровидным утолщением в принципе близок находкам из Мартан-Чу и Дардонского могильника, что вроде бы определяет его дату в рамках X — начала XII в. (24; рис. 7, 8, 7; 29, табл. 2, 12), однако подобное оформление ножен сохранилось на Кавказе вплоть до новейшего времени. Любопытна роговидная подвеска (рис. 13, 4). Подобные указать мы не можем, однако роговидные амулеты хорошо представлены в материалах Харачоевского могильника (10, рис. 1, 13, 2, 4, 5). Возможно, что рассматриваемые находки связаны с ними генетически. Что касается браслетов (рис. 13, 3), то аналогичные известны как в памятниках конца раннего, так и начала позднего средневековья. В этом же хронологическом диапазоне бытуют и роговидные наконечники стрел (рис. 12, 26).

К более позднему времени относятся склепы 1 и 3. Датирующих предметов здесь также немного, однако наличие металлических пуговиц, бубенчиков (рис. 12, 5, 6, 7, 13, 35, 36), бипирамидальных сердоликовых бус (рис. 12, 14, 13, 42), характерной глазчатой бусины (рис. 13, 41) не позволяет отнести их ко времени ранее XI—XII вв. Плоские браслеты (рис. 11, 12; 13, 35) встречаются в комплексах XI—XIV вв. могильника Налакари (8, табл. LIX, 4; LXX; LXXIII, 762).

Наиболее поздними вещами в склепе 1 являются красноглиняный кувшинчик (рис. 12, 16), многогранная сердоликовая бусина (рис. 12, 15) и фрагмент бронзового наперстка (рис. 12, 2). Аналогичные бусины обнаружены в одном из кокадоевских погребений XIV в. и асланбек-шериповском погребении 1, датируемом не ранее

конца XVI в. (30, рис. 9, 5). Наперстки данного типа обычны в комплексах XIV в. (31, с. 66). Кстати, нашивные бляшки (рис. 12, 1) часты в погребениях первой половины эпохи позднего средневековья (30, рис. 1, 15; 3, 17; 32, табл. Б, 11—13).

Кувшинчик близок типичным образцам керамики XIII—XIV вв., надпись по палеографическим данным относится к этому же времени (34, 35). Фрагменты керамики из склепа 3, судя по технологическим признакам и орнаментации, синхронны находкам из склепа 1. Остальной материал из склепа 3 — обломки ножниц для стрижки овец, оселок, железные пряжки, наконечник стрелы — находят прямые параллели в комплексах XIII—XV вв., в том числе датированных монетами (30; 32). В целом аналогии позволяют отнести указанные погребения к XI—XIV вв.

Более поздним можно считать склеп 2 Бугароевского могильника, где от хронологически значимого инвентаря сохранились те же предметы — фрагменты наперстка, металлические пуговицы, кольцевидная серьга, альчики, находящие соответствие, например, в Борзойском и Ватан-Кортском могильниках (32).

Монетные находки датируют данное погребение второй половиной XIV века. Склеп 1 Ушкалоевского 2-го могильника определяется монетой не ранее конца XIV века.

Полная интерпретация публикуемых материалов — тема специального исследования, в данном случае ограниченного иными задачами и объемом статьи.

Что касается погребального обряда рассматриваемых погребений, то сведения о его основных компонентах (исключая сами сооружения) значительно более скудны, чем данные об инвентаре, что позволяет высказывать лишь самые предварительные суждения.

Показательно наличие скорченных костяков в бугароевском склепе 1 — традиция, восходящая к значительно более раннему времени. Не исключено, что скорченные костяки были и в погребениях Чааре. Подобная поза погребенных интерпретируется в горнокавказских древностях как важный этнический показатель, свидетельствующий об автохтонном происхождении (33, с. 31), хотя, возможно, в раннесредневековую эпоху данный факт приобретает и определенное социальное звучание. О вытянутом положении костяков в склепах Цой-Педе, Ушкалоя, Бугароя (склеп 2) в какой-то мере могут свидетельствовать аналогии в типологически близких склепах Кокадоя, Дере, Шуана и др. могильников начала позднего средневековья. Суждения о количественном составе также относительны. Ясно лишь, что раннесредневековые склепы Бугароя и Чааре содержали не менее трех погребенных, в то время как в Цой-Педе и Ушкалое число их было, видимо, больше (пять — десять погребенных).

Наличие лазов позволяет предполагать последовательный характер захоронений. В этом плане особняком стоят погребения

Чааре, не имеющие этого конструктивного элемента и поэтому в известной мере условно называемые склепами, хотя и в них, вероятно, не все умершие были погребены одновременно.

Публикуемые материалы существенно уточняют наши представления о средневековой историко-археологической панораме высокогорной Чечни, а в части раннесредневековых комплексов предстают принципиально важными, впервые открывающими новые возможности в изучении материальной культуры и этнических процессов рассматриваемого исторического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамаев Х. М. Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Терско-Сулакского междуречья. — Сб.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2, Грозный, 1980, с. 184—187.
2. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
3. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
4. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
5. Багаев М. Х. Раннесредневековая культура Чечено-Ингушетии. — Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1970.
6. Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Записки ЧИНИИ, т. 1. Грозный, 1938, с. 3—31.
7. Мамаев Х. М., Даутова Р. А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун. — В сб.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 6—45.
8. Джорбенадзе В. А. Археологические памятники Иорского ущелья. IV. Эрцо-Тианети в средние века. Тбилиси, 1982.
9. Долаберидзе Р. М. Археологический материал из села Шенако. Тбилиси, 1973.
10. Виноградов В. Б. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне. — СА, 1970, 2, с. 244—251.
11. Багаев М. Х. Раннесредневековый могильник у селения Харачой. — АЭС, IV. Грозный, 1976, с. 75—90.
12. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, 3, с. 106—134.
13. Багаев М. Х., Виноградов В. Б. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой. — КСИА, 132, 1972, с. 80—86.
14. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
15. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
16. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. — САИ, М., 1982.
17. Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье. — МАДИСО, III. Орджоникидзе, 1975, с. 50—57.
18. Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье. — КСИИМК, XLII, 1952, с. 110—121.
19. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
20. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. — Сб.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 44—80.
21. Даутова Р. А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XV веков горной Чечено-Ингушетии. — АВЭИСК, Грозный, 1979, с. 156—163.

22. Кузнецов В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, 114, М., 1963, с. 8—47.
23. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года). — Сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 62—135.
24. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.). — Сб.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984, с. 62—87.
25. Джорбенадзе В. А. Раскопки Жинвальского могильника Налакари в 1972 г. — Сб.: Жинвали 1. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. Тбилиси, 1983. с. 134—166.
26. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
27. Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана. — МАД, III, Махачкала, 1973, с. 62—79.
28. Мамаев Х. М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном. — Сб.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала. 1975, с. 89— 91.
29. Чагаров К. Т. Средневековый склеп Дардонского могильника. — Сб.: Из истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1970, с. 423—435.
30. Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. ДЧИ. М., 1963, с. 243—278.
31. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. — ИСКНЦВШ, 1977, 1, с. 64—69.
32. Даутова Р. А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни. — Сб.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с. 75—92.
33. Крупнов Е. И. Проблемы происхождения осетин по археологическим данным. — Сб.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. с. 22—41.
34. Виноградов В. Б. Эпиграфические памятники Чечено-Ингушетии (состояние источников, некоторые проблемы изучения). — Сб.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 19—31.
35. Даутова Р. А. Некоторые археологические факты из истории вайнахо-грузинских связей в эпоху средневековья. — Сб.: Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984, с. 138—141.
36. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный, 1982.
37. Виноградов В. Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа и Дона. Вып. 2, Грозный, 1980.

Д. Ю. ЧАХКИЕВ

ПОЛУПОДЗЕМНЫЙ СКЛЕП У СЕЛ. ВЕРХНИЙ ЛЕЙМИ (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

На юго-восточной окраине башенного поселка Верхний Лейми в горной Ассинской котловине (Назрановский р-н ЧИАССР) расположен склеповый могильник из пяти полуподземных и двух надземных каменных усыпальниц. В 1937 году он был впервые обнаружен и подвергнут стационарному археологическому изучению Л. П. Се-

меновым, которым, в частности, здесь расчищен полуподземный склеп № 2 (1, с. 21—24). Но материалы раскопок так и не были опубликованы. К настоящему времени этот склеп полуразрушен, а обнаруженные в нем находки почти все (за исключением фрагмента сабли) утеряны. Поэтому ниже приводим краткое описание склепа и найденных здесь предметов, содержащееся в полевом отчете Л. П. Семенова за 1937 год[1].

Склеп находился в южной части могильника, ориентирован по линии С—Ю и почти полностью врыт в скальный склон горного кряжа, на поверхности которого виднеется его южная фасадная часть (высота 1,04 м, ширина 2,71 м). В центре последней, на глубине 0,55 м, над землей расположен лаз (0,55 х 0,50 х 0,45 м), неплотно прикрытый плитой (в одном углу здесь была большая щель, в которую вложен камень). Усыпальница сложена из частично обработанных, но тщательно подогнанных друг к другу крупных песчаниковых камней различной формы на известково-глинистом растворе. Стены камеры склепа кверху незначительно суживаются и на высоте 1,84 м соединены восемью массивными поперечными плитами перекрытия. Размеры стен камеры: западная и восточная — 4,14 м, северная — 2,04 м, южная — 1,54 м. Они тщательно покрыты известково-глинистым раствором. На высоте 0,60 м вдоль западной и восточной стен расположены полки из сланцевых плит. В западной стене полка сильно повреждена и поддерживается тремя каменными брусками, вделанными в стену. Полка в восточной стене придерживается одним бруском и вертикально поставленной сланцевой плитой. Длина этой полки 2, 26 м, ширина — 0,60 м. В глубине склепа обе полки упираются в широкий выступ скалы (своеобразная лежанка), высота которого 0,44 м, а ширина 0,80 м. Камера усыпальницы имеет скальное основание, которое по направлению от северной стены к южной незначительно понижается. В западной стене, вблизи лаза, на высоте 0,97 м от основания камеры устроена ниша (0,30 х 0,30 м) глубиной 0,60 м.

До раскопок содержимое склепа уже подвергалось расхищению: весь пол камеры усеян разбросанными частями человеческих костяков, обломками ветхих досок от гробов, фрагментами деревянных мисок и глиняных сосудов, осколками плит от полуразрушенной полки, выпавшими из стен камнями и т. д. Этот склеп был местом коллективных захоронений (около 30 человек). Нетронутых погребений не оказалось, и обряд захоронения в деталях не представляется возможным восстановить. Обе полки, каменный выступ-лежанка и ниша пусты.

В результате расчистки камеры склепа № 2 Л. П. Семеновым были найдены:

[1] К отчету Л. П. Семенова приложены и несколько (правда, любительских) фотоснимков зафиксированных здесь разнообразных находок.

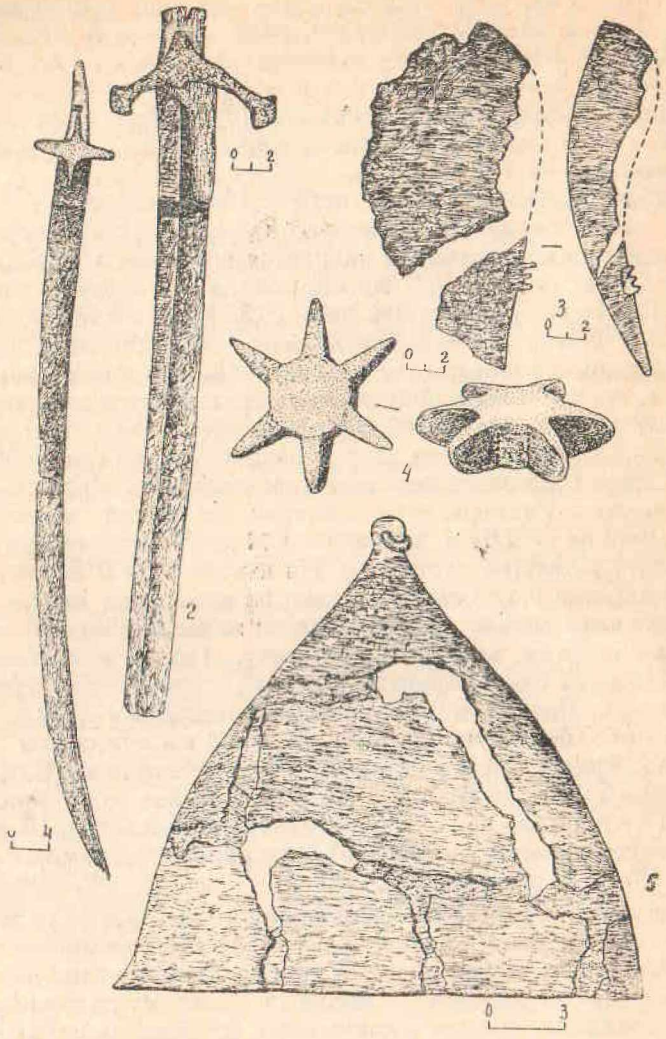

Рис. 1. Оружие из полуподземного склепа № 2 у сел. Верхний Лейми (2,4 — из погребальной камеры)

1) фрагмент сабли с перекрестьем (рис. 1, 2). Он состоит из части слабоизогнутого клинка, черена рукояти, а также железного перекрестья. Общая длина сохранившейся части находки 32 см. Железный коррозированный клинок сабли однолезвийный, с железной

оковкой с двух сторон, без дола. Ширина клинка у перекрестья 3,2 см, толщина спинки 0,7 см. Крестовина с перекрестьем, напускная, поврежденная. Горизонтальные части крестовины сильно опущены в сторону клинка и имеют на концах ромбовидные отростки. Размеры крестовины 8,8 х 3,0 см. Железная часть черена рукояти цельнокована с клинком, изогнута в сторону его лезвия. На клинке и черене рукояти фиксируются следы от несохранившихся деревянных ножен и обкладки;

2) крупные железные черешковые наконечники стрел — 4 экз. Два из них — двурогие (длиной 16,5 и 20, 5 см), третий — подромбический, с выпуклыми ударными и вогнутыми нижними гранями (длиной 14,5 см), а четвертый — ромбовидный, без сохранившегося черешка. Все наконечники плоские;

3) железный шестопер с круглым углублением для рукояти (рис. 1, 4). Его ширина 7 см, высота 4,5 см. Перья имеют округлую форму. Рукоять отломана, но часть ее сохранилась в отверстии;

4) железная пряжка с кольцом (общая длина 6 см);

5) большие и малые куски кольчуги из массивных колец — 8 экз.;

6) железный подковообразный предмет с двумя петлями на концах (длина 8 см);

7) фрагмент железного четырехгранного наконечника копья (длина 22 см);

8) фрагменты железных налокотников — 9 экз.;

9) фрагмент железного шлема;

10) красноглиняные гончарные кувшины с ручкой — 2 экз. У обоих ниже ручки — волнообразный орнамент, а края горла расширяются. По самому краю горла и немного ниже у обоих сосудов отмечен точеный орнамент. Верхняя часть ручки сливается с краем горла сосуда. Высота их 15,5 см;

11) железные черешковые однолезвийные ножи без сохранившейся рукояти — 5 экз. Их длина 11—18,2 см. Все они однотипные;

12) каменный плоский оселок (длиной 7,8 см);

13) пастовая привеска грушевидной формы и зеленого цвета;

14) бронзовая серьга в виде кольца с двумя гнездами для стеклянных глазков (одно гнездо пустое) и коротким стержнем, обвитым проволокой, к которому прикреплено гнездо с зеленым стеклом, а под ним — две привески с маленькими шариками на тонком стержне.

Найденные предметы Л. П. Семеновым датированы XIV в. (1, с. 24).

В августе 1982 года во время проведения полевых изысканий в данном районе пастухи сообщили, что в результате разрушения одной из стен полуподземного склепа могильника Верхний Лейми, в ней появилась ниша с вещевым материалом. При нашем осмотре полуразрушенной погребальной камеры этого склепа установлено,

что в центре ее восточной стены, на высоте 0,95 м от основания, находится поврежденная потайная ниша, прямоугольная в плане. Она ориентирована по линии В—З, т. е. расположена перпендикулярно к стене усыпальницы. Ее входное отверстие (0,45 х 0,45 м) закрывал специальный тонкий камень-известняк, который крепился к стене с помощью известково-глинистого раствора. К настоящему времени он наполовину расколот. Ниша-тайник имеет длину 1 м (при толщине стены 0,45 м) и большей частью выбита в скальном грунте. В данной нише были обнаружены только сильно поврежденные разнообразные виды вооружения воина.

В основании ниши-тайника находилась кольчуга, сложенная предварительно вдвое по ширине. Она сильно коррозирована и распалась на 52 больших и малых куска (рис. 2, 26). Очевидно, ее покрой представлял вид рубашки с рукавами ниже локтя и разрезным воротом. Кольчатое плетение одинарное. Кольца железные, средней величины, круглые по форме и округлые в поперечном сечении. Они сварочно-клепаные: одно склепанное («на гвоздь») кольцо продевается в четыре сваренные. Склепанные кольца имеют незначительный мысовидный выступ и по своим размерам (диаметр — 1,15—1,20 см, толщина — 0,25—0,30 см) немного уступают сваренным (диаметр — 1,30—1,40 см, толщина — 0,30—0,35 см).

Вдоль южной стенки ниши лежали две однотипные железные пряжки (3,0х2,4 см) с «язычком» (рис. 2, 29—30), железное кольцо (рис. 2, 28), черешковый однолезвийный боевой нож (рис. 2, 31) и сабли (рис. 1, 1). Общая длина боевого ножа 30,7 см, длина клинка 23,4 см, толщина клинка 0,5 см. На его черене и клинке фиксируются следы от несохранившихся деревянных ножен и обкладки рукояти. В месте соединения черена с клинком нож имеет боковые выступы. Сабля сильно коррозирована, а ее деревянная обкладка рукояти и ножны не сохранились. Клинок сабли железный, однолезвийный, средней кривизны. Явно прослеживается, что он в четырех местах был преднамеренно переломан. Общая длина сабли 88 см, длина клинка 78,5 см, его ширина у перекрестья 3,9 см, толщина спинки 0,7 см. К острию ширина клинка постепенно незначительно уменьшается, но уже вблизи начала острия она заметно расширяется, т. е. имеет елмань. Острие клинка (длиной 20,3 см) кинжаловидное, обоюдоострое. Оконечность острия граненая, с вытянутым ромбом в сечении. Железная крестовина с перекрестьем (8,8х8,0 см), напускная, частично поврежденная с правой стороны. Перекрестье массивное, горизонтальные ее части к концу незначительно сужаются. Железный черен рукояти, цельнокованный с клинком, заметно изогнут в сторону лезвия клинка. На черене расположены две железные заклепки, посредством которых обкладка рукояти крепилась к черену. Одна из них имеет массивную шляпку, а у второй она не сохранилась. Вес сабли 805 г.

Вдоль же северной стенки ниши-тайника зафиксированы два

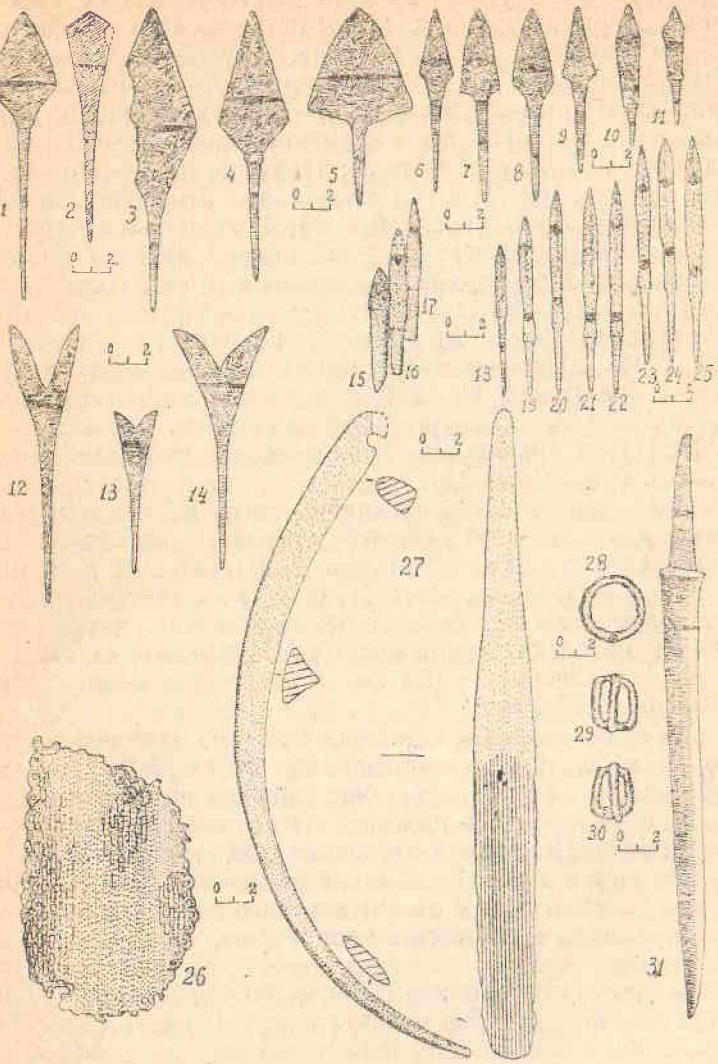

Рис. 2. Инвентарь из потайной ниши

фрагмента от большой вогнутой пластины железного налокотника (рис. 1, 3). На меньшем из них расположена поврежденная пряжка. Здесь также были найдены 13 фрагментов железного шлема. Судя по ним, шлем был цельнокованый, сфероконической формы, с железным кольцом на навершии и небольшим выступом на венце (рис. 1, 5).

На кольчуге обнаружено 25 железных черешковых наконечников стрел, которые, судя по остаткам истлевшей кожи, располагались внутри черного кожаного колчана. Стрелы в колчане находились наконечниками вниз. На черешках некоторых из них сохранились фрагменты древков (диаметр 0,7—0,9 см). Двенадцать из наконечников плоские, а остальные — граненые (рис. 2, 1—25). Плоские подразделяют на следующие типы: 1) в виде лопаточки с прямоугольным острием (рис. 2, 2); 2) двурогие — 3 экз. (рис. 2, 12—14); 3) килевидные — 3 экз. (рис. 2, 6, 7, 9); 4) ножевидный (рис. 2, 8); 5) ромбовидный (рис. 2, 4); 6) ромбовидный крупный (рис. 2, 3); 7) подромбический с выпуклыми ударными и вогнутыми нижними гранями (рис. 2, 1); 8) подромбический с вогнутыми ударными и нижними гранями (рис. 2, 5). Граненые наконечники: 1) конусовидный (рис. 2, 15); 2) копьевидные ромбические в сечении и с круглой шейкой — 7 экз. (рис. 2, 19—25); 3) весловидные с четырехгранной головкой и длинной, прямоугольной в сечении, шейкой — 2 экз. (рис. 2, 10, 11); 4) шиловидные квадратного и ромбического сечения — 3 экз. (рис. 2, 16—18).

На колчан был положен, очевидно, сложный лук, от которого сохранился лишь большой цельный деревянный фрагмент одного из концов с вырезом для тетивы (рис. 2, 27). От плеча лука осталась лишь незначительная часть. На спинке и с внутренней стороны фрагмента отмечены многочисленные продольно расположенные бороздки для крепления сухожилий и роговой накладки. Общая длина его (по дуге изгиба) — 42,4 см, а расстояние между сохранившимися концами 35,2 см.

Как по конструктивным деталям, так и по наличию погребального инвентаря, данный полуподземный склеп № 2 представляет большой интерес. Безусловно, обнаруженная потайная ниша была сделана непосредственно в процессе строительства самой склеповой усыпальницы. Во всяком случае, следов от позднейшей перестройки или ремонта восточная стена не имеет. Очевидно, при первом же захоронении в этом склепе знатного воина в нишу сложили основные предметы его дорогого вооружения, совершив предварительно явно прослеживаемый обряд порчи оружия. Затем отверстие ниши было наглухо замуровано специально подобранным камнем, а последний был покрыт известково-глинистым раствором. Так что при визуальном осмотре стены потайную нишу практически невозможно было обнаружить. Нам встречались в некоторых разнотипных склеповых постройках Шуанского, Биштского, Эгикальского и Пялингского могильников, а также культовых сооружениях ниши-тайники, уже подвергшиеся разграблению[2]. К сожалению, исследователи погребальных строений края не подвергали тщательному

[2] В 1979 году в тайнике одного из надземных полуразрушенных склепов Шуанского некрополя В. Б. Виноградовым было найдено перекрестье сабли (2, с. 100—101).

обследованию стены расчищаемых склеповых усыпальниц с целью выявления в них тайников. Поэтому в научной литературе даже нет упоминания об их существовании вообще.[3]

Обнаруженные в потайной нише разнообразные предметы вооружения позволяют воссоздать экипировку представителя феодализирующейся прослойки ингушского общества второй половины XIII в. — периода напряженной внешней угрозы со стороны пришлых монголо-татарских орд (4, с. 47—55). И, видимо, не случайно, наряду с богатым комплектом вооружения в колчане представлены большей частью узкие граненые, т. н. «бронебойные» наконечники стрел, специально предназначенные и приспособленные для пробивания железных шлемов, щитов, пластинчатых доспехов монголо-татарских воинов (5, с. 244—269; 6). По всей вероятности, наконечник стрелы в виде лопаточки с прямоугольным острием, налокотник, сфероконический шлем, а также сабля с елманью попали к ингушскому воину в результате соприкосновения с монголо-татарскими войсками (7; 5; 8). По крайней мере, до середины XIII века на территории Чечено-Ингушетии предметы аналогичного типа не фиксируются. Большинство из найденных в нише наконечников, а также боевой нож с боковыми выступами у черена на территории края позднее XV в. практически отсутствуют. Фрагмент обнаруженного сложного лука идентичен найденным экземплярам середины XIII—XV в. на Шуанском могильнике (9, с. 47—50, 68). Кольчатый же доспех бытовал у ингушей на протяжении всего средневековья (10, с. 53—54; 11, 276—278).

Среди предметов, обнаруженных Л. П. Семеновым в камере полуподземного склепа № 2, привлекает внимание редкая находка железного шестопера XIII—XIV вв.[4] Эта находка, безусловно, происходит с территории древней Руси (12, с. 27—29; 13, с. 113).

Таковы некоторые итоги анализа весьма интересного, впервые описанного полуподземного склепа середины XIII—XIV в. с потайной нишей из горной Ингушетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 году. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, 1937, № 234.

2. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии. — АО за 1979 г. М.: Наука, 1980.

3. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1963.

4. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории. М.: Правда, 1981, 1.

[3] Ниши-тайники в культовых сооружениях фиксировались Л. П. Семеновым, И. П. Щеблыкиным, Е. И. Крупновым, Н. Н. Бараниченко и Д. Ю. Чахкиевым (3, с. 41).

[4] Упоминание о находках «железных шестоперов» на Шуанском могильнике можно встретить лишь у В. Ф. Миллера (14, с. 30).

5. Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. — В сб.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Изд-во Московского унив-та, 1983.
6. Куликовская битва 600 лет. М.: Внешторгиздат, 1983.
7. Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. — СА, 1966, 2.
8. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. — В сб.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1983.
10. Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю. Защитное вооружение у позднесредневековых вайнахов. — В кн.: IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
11. Чахкиев Д. Ю. Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия). — СА, 1979, 4.
12. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
13. Рабинович М. Г. Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы. — Вопросы истории. М.: Правда, 1980, 7.
14. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. — МАК, вып. 1, М., 1888.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ И СВЕДЕНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Первая специальная сводка нумизматических находок на территории Чечено-Ингушетии, включающая монеты и монетные клады от эпохи античности до XVIII века включительно, была сделана по состоянию на конец 1980 г. (1). Она повлекла за собой ряд публикаций, в которых накопленному нумизматическому материалу отводилась главная или существенная роль (2, с. 32—34; 3, с. 190—195; 4, с. 113—118), а также выпуск научно-популярной книги «Судьбы древних монет» (5), которая встретила одобрение специалистов в нашей стране (6; 7; 8) и за рубежом (9). Все это свидетельствует об остро назревшей необходимости постоянного выявления, сведения воедино и изучения нумизматических находок в границах и всего северокавказского региона, и его отдельных областей.

Данная статья преследует цель познакомить читателя с находками средневековых монет на территории Чечено-Ингушетии, сделанными в ходе раскопок могильников, сборов подъемного материала или ставших известными мне в 1981—1984 гг. Краткие сведения о новых нумизматических поступлениях располагаются хронологически (в зависимости от древности отдельных монет или компактных наборов их) и оформлены по образцу сводки 1981 г. (1). Автор глубоко благодарен профессору Московского госуниверситета имени М. В. Ломоносова Г. А. Федорову-Давыдову за определение мо-

нет с арабоязычной легендой, а также своим ученикам и коллегам Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаеву, позволившим ввести в научный оборот неопубликованные еще материалы их новейших раскопок.

Монеты раннего средневековья

Бачи-Юрт селение. Шалинский район, 1982 г. В окрестностях селения местные жители нашли (а затем, якобы, утеряли) целую золотую монету — куфический (халифатский) динар VIII в. Сохранилась лишь ее грубая зарисовка, сделанная жителем селения М. Ибрагимовым и присланная мне в письме от 24 января 1983 года. Не опубликована.

Майртуп селение. Шалинский район, 1970-е гг. На окраине селения (в одном случае у обочины дороги) учеником средней школы А. Атаевым подняты в разное время два серебряных арабских дирхема VIII и IX вв. Они не пробиты, что побуждает считать их остатком клада (5, с. 51, рис. 10; 10).

Мартан-Чу (Грушевое) селение. Урус-Мартановский район, 1984 г. При расчистке Х. М. Мамаевым катакомбного погребения № 33 Мартан-Чуйского 1-го могильника, датирующегося X в. н. э., обнаружена пробитая бронзовая, позолоченная монета византийского облика. Не опубликована.

Золотоордынские монеты

Курчалой селение. Шалинский район, 1982 г. На восточной окраине селения школьником С. М. Алхазовым поднята серебряная непробитая монета — джучидский дирхем хана Хызра, чеканенный в Сарай-ал-Джедиде в 761 или 762 году хиджры (1360/1361 или 1361/1362 гг.). Не опубликована.

Шуан селение. Назрановский район (ущелье реки Армхи), 1982 г. В полуподземном склепе № 128 обширного средневекового могильника «Мохде» Р. А. Даутова нашла 5 медных монет — джучидских пулов. В нижнем слое склепа: анонимные пулы, чеканенные в Сарай-ал-Джедиде в 1350-е гг. и в Гюлистане в 766 году хиджры (1364/1365 г.), и третий — золотоордынский, точнее не определимый. В верхнем слое: анонимный пул, чеканенный в Сарай-ал-Джедиде в 1350-е гг., и еще один золотоордынский, неопределимый. Не опубликованы.

Алхан-Юрт селение. Грозненский сельский район, 1984 г. Между селением и Заводским районом г. Грозного Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаевым при расчистке погребения № 1 позднесредневекового грунтового могильника (авторы раскопок датируют его концом XV—XVI в.) обнаружены 4 медные монеты с пробитыми отверстиями. Это сильно окислившиеся золотоордынские пулы первой четверти XV в. Не опубликованы (25).

Ассинское ущелье (ближе неизвестно). Среди дореволюционных сборов П. С. Уваровой отмечены «татарские серебряные монеты» (28, с. 37, № 878—879), неточно указанные Л. П. Семеновым (29, с. 87).

Монеты России и стран зарубежной Европы

Знаменское селение. Надтеречный район, 1960-е гг. На приусадебном участке один из школьников нашел в земле и передал учителю К. И. Убайтаеву медный шведский талер 1640 г. королевы Христины. Монета передана мне студенткой-заочницей ЧИГУ им. Л. Н. Толстого М. Х. Хусихановой (5, с. 84—85, сн. 1). Не опубликована.

Ялхой-Мохк селение. Ножай-Юртовский район, 1983 г. Учитель-краевед С. Б. Бурков поднял с пахоты на южной окраине российскую медную «денгу» 1734 г. Не опубликована.

Курчалой селение. Шалинский район, 1981—1984 гг. В северо-восточной округе селения работником сельского Дома культуры Б. Мадаевым, школьником С.-М. Алхазовым и его товарищами в разное время были подняты медные российские монеты: «денги» 1748, 1751 гг., «копейки» 1758, 1759 гг. Не опубликованы.

Гуни селение. Веденский район, 1982 г. Краевед М. Х. Ошаев сообщил, что студент университета И. Джанаралиев нашел в земле своего приусадебного участка российскую медную «денгу» 1750 г. (11). Не опубликована.

Старогладовская станица. Шелковской район, 1970—1983 гг. К недавно скончавшемуся краеведу, заслуженному работнику культуры Чечено-Ингушской АССР И. К. Радченко в разные годы поступили от школьников российские монеты, найденные в окрестных бурунах, на пашнях, в огородах, на берегах Терека: «денги» 1759, 1760, 1765 гг., «пятаки» 1726, 1766, 1767, 1780 гг. и двухкопеечная монета 1797 г. (все по одному экземпляру). Хранятся в музее Л. Н. Толстого и в музее Старогладовской средней школы. Достойна упоминания и грузинская двухкопеечная монета, чеканенная в Тбилиси в 1810 г. (определение кандидата исторических наук В. А. Джорбенадзе), (12). Не опубликована.

Каргалинская станица. Шелковский район. 1970—1971 гг. По официальному свидетельству (оформлено в виде справки) директора Шелковской средней школы Н. М. Струева «во время экскурсии на место расположения старой станицы Каргалинской, где в это время работали экскаваторы по проведению канала», им были найдены «медные российские монеты XVIII в.». Их было несколько десятков (вероятно, клад). Монеты в дальнейшем разошлись по рукам, частично слившись с составом Шелковского клада 1977 г. (4, с. 16).

* * *

Состав вновь выявленных нумизматических находок дает основания для некоторых наблюдений и выводов.

Бачи-Юртовский куфический динар — находка редкая, лишь дважды до сих пор встреченная в Чечено-Ингушетии, причем предшествовавшие образцы были обнаружены при раскопках могильников около 100 лет назад (1, с. 27, сн. 46; 5, с. 48). Он не был пробит так же, как и майртупские куфические дирхемы. Это серьезно отличает новые экземпляры халифатских арабских монет от тех, которые были прежде найдены в захоронениях (там они всегда пробиты и использовались в качестве подвесок-украшений). Нельзя исключать того, что эти находки (особенно хронологически близкие друг другу дирхемы) являются остатками кладов той эпохи, когда куфические монеты были более всего распространены в Восточной Европе и на Кавказе (13).

Большой интерес представляет бронзовая, позолоченная монета из катакомбы X в. н. э. у селения Мартан-Чу. Она побуждает вспомнить об аналогичной по технологии находке (византийская монета императора Михаила III, 842—867 гг.) в склепе № 3 у христианского храма Тхаба-Ерда в горной Ингушетии (14, с. 66—67; 1, с. 7). Кстати, последняя неправомочно ранее толковалась мною, как «единственный пока для территории нашего края случай находки так называемых золотых индикаций, то есть имитаций византийских монет» (5, с. 32). Д. Б. Шелов в личном письме от 16 декабря 1982 г. справедливо поправил меня, указав, что индикацией именуется только сама золотая фольга с монетным изображением, которая обычно не выдавалась за золотую монету, а изготовлялась специально для погребальных комплексов. Действительно, медные и бронзовые монеты, обтянутые золотой фольгой и пускавшиеся в обращение под видом золотых, носят в нумизматике название «субератных монет» (15, с. 269). «С драгоценного оригинала при помощи тончайшей золотой фольги «снимался» отпечаток, который затем «надевался» на медный кружок-«болванку». Если взглянуть на хитроумное изделие издалека или особо не приглядываться к нему, сходство с благородным солидом весьма велико» (5, с. 32). Субератные монеты «изготовлялись иногда официально, но преимущественно в незаконных мастерских фальшивомонетчиками» (15, с. 269).

Такие имитации известны в раннесредневековых нумизматических наборах и других областей Северного Кавказа, где связаны обычно с катакомбными погребениями алан рубежа I—II тысячелетий н. э. (Кольцо-Гора, Змейская и др.), (4, с. 113—117). Этот факт можно объяснять тем, что сами драгоценные монеты — надежные эталоны стоимости — все реже тогда опускались в могилы в качестве мертвого капитала покойникам, находя реальное применение в

условиях раннегосударственного уровня, в который вступили аланы. А для использования в похоронном ритуале (как и для целей украшения при жизни) вполне годились различные замены (4, с. 117).

Оценивая постепенно растущую коллекцию субератных монет в аланских памятниках, следует подчеркнуть, что большинство ее образцов отличается грубостью и схематичностью чеканного на медно-бронзовой основе изображения. Это позволяет (хотя и с большой осторожностью) предполагать местный, северокавказский «варварский») характер их производства. Последующие находки должны пролить свет на этот существенный вопрос.

Вновь обнаруженные образцы золотоордынских (джучидских) монет, в принципе, вполне обычны в стабильном составе нумизматических данных Северного Кавказа конца XIII—XIV, а отчасти и XV в. курчалоевский непробитый дирхем подтверждает закономерность (4, с. 24—25; 5, с. 60—71): в плоскостной зоне края (и региона в целом) монеты имели вполне «товарный вид», то есть непосредственно участвовали в денежном обороте. Шуанские же пробитые пулы, во-первых, являются первыми надежно зафиксированными медными (на фоне прочих серебряных) джучидскими монетами в горной Чечено-Ингушетии (ср.: 4, с. 24; 5, с. 68; 26, с. 75—76), а во-вторых, они вновь подтверждают обычность использования золотоордынских монет горцами в качестве украшений (4; 5; 26).

Обе эти особенности приобретают принципиальное значение при оценке алхан-юртовского набора монет-подвесок. Похоже, что сам попавший под разрушение могильник (вместе с весьма похожим на него могильником на северной окраине селения Чечен-Аул, также частично разрушенным летом 1984 г.) является редким и долгожданным для археологов материальным свидетельством процесса перемещения отдельных групп вайнахов из горной зоны на плодородные равнины, начавшийся с конца XV—XVI в. (25). Наличие в одной из могил скромного монисто из джучидских пулов выглядит как этнографическая черта, свойственная горско-вайнахскому быту той поры. Впрочем, не исключено и другое — присутствие арабоязычных монет в раннемусульманском комплексе в качестве культового символа, как это порой бывает в могильниках Северного Кавказа, где погребены исламские неофиты (17, с. 129—130; 18). Однако в любом случае эта незаурядная нумизматическая находка связана с тем районом побережья Сунжи, который («ниже урочища Куллар», «от Сунжи до Трех Бугров» и т. д.) вплоть до второй половины XVIII в. мощно притягивал к себе вайнахских переселенцев из горно-предгорной зоны. Он часто фигурировал в письменных источниках, связанных с добровольным вхождением чеченцев в состав России (19, с. 152—153).

В высшей мере замечательна знаменская находка шведского та-

лера — крупной медной монеты 1640 г. чекана королевы Христины. Она не выглядит настораживающе одинокой в границах северокавказского региона и нашего края, если вспомнить медную шведскую монету Густава II Адольфа (1611—1632 гг.), поднятую в окрестностях города Сочи (20, с. 45, № 14991) и низкопробные серебряные монеты «псевдопольского», а на самом деле шведского чекана 1632, 1633,1635 гг. (то есть именно времени правления упомянутых выше шведских монархов) в Махкетинском кладе, получившем широкую международную известность (21, с. 130; 22, с. 155—156; 23, с. 75—79).

Постоянно и довольно интенсивно растет коллекция российских ординарных медных монет XVIII в. в плоскостной зоне края. Находки на терском левобережье, в районе прежнего местонахождения гребенских казачьих станиц Каргалинской, Старогладовской, вполне вписываются в ранее установленную картину оживления в середине XVIII в. торгово-экономических и политических связей русского старожильческого населения Притеречья с внутренними областями России (4, с. 26—27; 5, с. 85—90; 27, с. 80—104).

Заметно увеличилось число российских монет, найденных непосредственно в исторической Чечне, на правом берегу Терека и Сунжи (ср.: 4, с. 15—16). Чрезвычайно показательны ялхой-мохкская и гуннийская монеты — самые горные пока случаи такого рода. Пристального внимания заслуживает курчалоевская серия находок, которая выглядит сегодня достаточно компактной по хронологии (1748—1759 гг.) и связана с одной местностью. Утверждать рискованно, но можно предполагать, что это — остатки клада — первого во внутреннем районе Чечни периода резкой активизации разнообразных русско-чеченских связей в ходе завершения процесса добровольного вступления вайнахов в российское подданство в 1762—1781 гг. (24).

Понятно, что высказанные соображения носят отчасти предварительный характер. Неизбежный рост нумизматических коллекций в крае и регионе будет обязательно и достаточно зримо корректировать сложившиеся взгляды. Однако даже первоначальные попытки интерпретации монетных находок средневековья полезны для более полного и объективного уяснения ряда исторических процессов и ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII в.). Методические указания для студентов исторического факультета. Грозный, 1981.

2. Виноградов В. Б. Монетные находки о связях восточной Алании с Передней и Средней Азией. — В кн.: Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и в средневековье». Тезисы докладов. М., 1981.

3. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья). — Византийский временник, т. 44. М., 1983.

4. Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н. О чем рассказывают монеты... — «Ставрополье», 1983, 4.

5. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный, 1982.

6. Федоров-Давыдов Г. А. Новая книга о монетах. — Газ. «Грозненский рабочий», 19 декабря 1982 г.

7. Петренко В. О людях, о времени и... старинных монетах. — Газ. «Комсомольское племя», 7 декабря 1982 г.

8. Шелов Д. Б. Рецензия на книгу В. Б. Виноградова «Судьбы древних монет». — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1983, 4.

9. Mikolajczyk A. Witalij Borysowicz Winogradow. Sudlby driewnich moniet. Groznyj, 1982. — Biuletyn numizmatyczny. Nr. 1—2 (189—190). Warsawa, 1984.

10. Ахмадов Б. Языком арабских монет. — Газ. «Знамя коммунизма» (Шалинский район), 25 апреля 1983 г.

11. Газ. «Ленинан некъ», 3 декабря 1982 г.

12. Виноградов В. Б. Свидетельства давно минувших лет. — Газ. «Строитель коммунизма» (Шелковский район), 27 сентября 1984 г.

13. Фомин А. С. К вопросу о характере распространения куфических монет в IX веке. — Вестник Московского государственного университета, серия истории, 1982, 1.

14. Гамбашидзе Г. Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. — Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.

15. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1982.

16. Виноградов В. Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа. — В кн.: Хронология археологических памятников и культур Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

17. Виноградов В., Депуева А. Тайна старинного кисета (на балкарском языке). — «Мингитау», Нальчик, 1984, 1.

18. Депуева А. Б. Исторический комментарий Ташлы-Талинской сумочки с монетами. — В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

19. Вехи единства. Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (отв. ред. В. Б. Виноградов). Грозный, 1982.

20. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 4. Баку, 1949.

21. Mikolajczyk A., Vinogradov V. Moneta polska w strefie Czarnomorskiej, i Kaukaskiej. — Wiadomosci Numizmatyczne, R. XXI, Warsawa, 1977, z. 3.

22. Mikolajczyk A., Vinogradov V. A Hoard from the Horth Caucasus. — Coin Hoards, IV, London, 1978.

23. Виноградов В. Б., Миколайчик А. К исторической интерпретации первого клада польских и шведских монет XVII в. на Северном Кавказе. — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1979, 2.

24. Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1980.

25. Даутова Р., Мамаев Х. К тайнам древних времен. — Газ. «Грозненский рабочий», 25 ноября 1984 г.
26. Даутова Р. А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
27. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке. — В кн.: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981.
28. Коллекции Кавказского музея, т. V. Состав. П. С. Уварова. Тифлис, 1902.
29. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЭИСК	— Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа.
АО	— Археологические открытия.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
СА	— Советская археология.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Виталий Борисович — заслуженный деятель науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л. Н. Толстого, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Даутова Резеда Абдулмуслимовна — младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Мамаев Хамид Магомедович — ученый секретарь Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Савенко Сергей Николаевич — референт Чечено-Ингушской республиканской организации общества «Знание» РСФСР, аспирант кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л. Н. Толстого.

Чахкиев Джабраил Юрьевич — младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . . .
В. Б. ВИНОГРАДОВ, Х. М. МАМАЕВ. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977—1978 гг.) . . . . . .
С. Н. САВЕНКО. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. .
Р. А. ДАУТОВА, Х. М. МАМАЕВ. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии . . . . . .
Д. Ю. ЧАХКИЕВ. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) . . . . . .
В. Б. ВИНОГРАДОВ. Новые находки и сведения о средневековых монетах на территории Чечено-Ингушетии . . . . . .
Список сокращений . . . . . .
Краткие сведения об авторах . . . . . .

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Редактор **Х. Х. Дзейтов**
Художник **В. А. Петренко**
Технический редактор **А. П. Демидова**
Корректоры: **Н. П. Арустамова, А. В. Евтушенкова**

Сдано в набор 5.06. 1985 г. Подписано к печати 27.08. 1985 г. Формат 60x84 1/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 4,5. Усл. п. л. 4,65. СФ06109. Тираж 1000 экз. Заказ № 4100. Цена 45 коп.

Типография имени И. Н. Заболотного Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чечено-Ингушской АССР. 364021. Грозный, ул. Интернациональная, 12/33.

Цена 45 коп.